

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ
ПРЕМИИ»

В А Л Е Р И Й

БОЧКОВ

К ЮГУ ОТ
ВИРДЖИНИИ

спастись, чтобы простить

18+

Валерий Борисович Бочков
К югу от Вирджинии
Серия «Опасные омуты», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9428676
Валерий Бочков. К югу от Вирджинии: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78773-9

Аннотация

Когда красавица и молодой филолог Полина Рыжик решает сбежать из жестокого Нью-Йорка, не найдя там перспективной работы и счастливой любви, она и не подозревает, что тихий городок Данциг – такой уютный на первый взгляд – таит в себе страшные кошмары.

Устроившись преподавательницей литературы в школу Данцига, Полина постепенно погружается в жизнь местной общины и узнает одну тайну за другой. В итоге ей приходится сражаться за собственную жизнь и на пути к спасению нарушить множество моральных запретов, становясь совсем другим человеком...

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	27
5	31
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Бочков

К югу от Вирджинии

Издательство выражает благодарность Ирине Горюновой за помощь в приобретении прав на книгу и использование фото автора на переплете.

© Бочков В., текст, 2015

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

1

Серьги из желтой железки напоминали тощих рыбок, в глазах краснели бусины, чешуйки неровными дугами были отчеканены на выпуклых боках. Полина приложила одну серьгу к уху, протиснулась к маленькому зеркалу, мутному и неудобному. Сложив губы уточкой, подвигала бровями. Продавщица, молодая, с грязноватой челкой на глазах, умирая от скуки, отколупывала лак с ногтей. Она изредка поглядывала на Полину. Больше в лавке никого не было.

Полина взглянула на часы – нужно было убить еще двадцать минут. Она опустила рыбок на стекло прилавка, те звякнули, девица лениво спросила:

– Берете?

Полина отошла, сделала неопределенный жест, всматриваясь в слепые корешки антикварных книг: Гете, Шекспир, рядом стоял путеводитель по Турции. Она вытащила Шелли начала века, бережно пролистав сухие страницы, чайные по периметру и светлеющие к середине, поставила том обратно. Провела пальцем по бугристой корешку с остатками позолоты. Было бы здорово такую книгу подарить Саймону.

– А русских авторов нет? – Полина повернулась к прилавку. – Толстой там...

Девица поглядела на нее из-под челки:

– Я про это не в курсе. Сережки брать будете?

Полина прищурилась, положила рыбок на ладонь, те в ответ поглядели лукавым глазом. Отступить было поздно – она кивнула.

– Вам завернуть? – чуть оттаяв, почти вежливо спросила девица. – У нас подарочная упаковка. Блестящая, вот смотрите. И бесплатно. – Она была уверена, что Полина одна из тех нищих задрыг, которые все перероют, перемеряют, а после так и уйдут, ничего не купив.

– Спасибо, я их сейчас... – Полина, зажав сумку под мышкой, вытащила из мочек маленькие фальшивые бриллианты, сунула их в джинсы. – Я их прямо сейчас...

Продавщица, подцепив ногтем ценник, прилепила его себе на руку, ткнула пальцем в кассовый аппарат. Тот, радостно звякнув, выплюнул чек.

Полина вышла из лавки, пружина захлопнула дверь. Магазин был зажат между прачечной и мексиканской харчевней. Из обжорки воняло жареным луком, а из мрачного нутра прачечной несло химической свежестью. Полина поглядела на часы, закурила. Еще десять минут. Прошлась, искоса поглядывая в отражение витрины. Поправила волосы, выдула тонко дым.

Солнце вспыхнуло, выскочив из толкотни облаков, которые неслись по диагонали вверх. Другая сторона улицы утонула в синем, дорогу с пыльным бульваром посередине перечеркнули полосы света. У столба остановился красный седан с открытым верхом; Полина, быстро спрятав руку за спину, уронила окурок на асфальт.

– Опять? – Саймон сделал строгое лицо. – Ведь договорились!

Он дотянулся и приоткрыл дверь. Полина кинула сумку назад, там было крошечное сиденье, очевидно, рассчитанное на карлика или пару мелких детей.

– Вот! – она покрутила головой, сверкнув рыбками. Чмокнула Саймона в скулу.

– Блесна. На щуку? – он резко воткнул передачу и дал газ.

До Саймона у Полины был Грэг. Он тоже учился в Колумбийском, только на международных отношениях. Грэг относился к старомодному типу, в университете таких было немало, казалось, что все они – холеные, румяные, с опрятной скобкой на крепкой шее состоят в родстве, что все они ходили в одну и ту же частную школу в Новой Англии и до сих пор, по привычке, одеваются в темно-синие блейзеры с гербом на кармашке. Рубашки

бледных расцветок, лимонные и голубые, иногда розовые, аккуратно заправлены в серые штаны под тонкий ремень с латунной пряжкой.

Грэг оказался скучноватым педантом, впрочем, внимательным и нежным. В постели у него отчаянно потели бедра и икры, удивительно волосатые, при полном отсутствии растительности на бледной костистой груди. Он предпочитал одну позу – сверху, двигался осторожно, будто боясь там что-то повредить. Впрочем, он был достаточно ритмичен, а главное, неумолим и напоминал Полине опытного чистильщика сапог. Она иногда ловила себя на том, что мысли ее утекали из спальни куда-то вдаль и там бродили в безмятежной скуке. Она пыталась внести разнообразие в процесс, но, не встретив одобрения, постепенно сдалась. На носу маячила защита диплома, потом выпуск, а в ее постуниверситетские планы Грэг уже не входил.

В конце марта, неожиданно жаркого в эту весну, они стояли у гуманитарного факультета и ели подтаявшее мороженое. Полина при этом умудрялась курить, подавшись вперед и стараясь не закапать юбку. Грэг с кем-то поздоровался, Полина повернулась. Грэг представил ее. Профессор Саймон Лири пожал ей руку, крепко, чуть задержав ее ладонь в своей. Она смутилась, от мороженого ее рука была липкой.

Профессору было за пятьдесят – старая гвардия, знакомая ей по родительскому дому в Нью-Джерси. Отцовские приятели, важные и неторопливые: покер, сигара, скотч в толстом стакане, иногда они оказывались остроумными, порой даже симпатичными. Но главное – запах, эта смесь горького табака, виски и пряного одеколлона, этот дух вносил в мир порядок. Иногда под Рождество Полина получала от них десятидолларовые купюры. Эти мужчины знали жизнь, они твердо стояли на ногах и серьезно относились к своим удовольствиям: покер, рыбалка, скотч, сигары. Они знали цену справедливости. В них угадывалась основательность и надежность, таким вполне можно было доверить управлять миром.

Профессор Саймон обладал вкрадчивым голосом, седые виски переходили в жесткую пегую шевелюру, на подбородке гнездилась ямочка, которую (как Полина узнала потом) невозможно было чисто выбрить. В своем твидовом пиджаке с замшевыми локтями, вельветовых мешковатых штанах болотного цвета, мордатых ботинках свиной кожи он производил то самое впечатление надежности и напоминал ей старый отцовский саквояж, может, не такой стильный, но уж зато прочный и удобный для путешествий на любую дистанцию.

Полина отчего-то смутилась, на вопрос ответила сбивчиво, что диплом у нее по русской литературе, по Льву Толстому. Профессор хитро улыбнулся и, чуть помешкав, произнес:

– Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Акцент у него был жуткий, но впечатление на Полину профессор произвел. Грэг русского не знал, но тоже улыбался и довольно потирал ладони. Через неделю Грэг уехал в Европу.

Профессор Лири читал курс по истории холодной войны и еще что-то про распад коммунистического блока. Полина политикой не интересовалась, поэтому в аудиториях они не встречались. На кампусе он ей безразлично кивал или делал вид, что не замечает. Вообще, профессор соблюдал осторожность, встречались они в условном месте за пять кварталов вверх по Бродвею. На углу Сто тридцать шестой улицы, у антикварной лавки с синей дверью. Полине нравилась скрытность их связи, таинственность казалась ей романтической и переводила Полину в разряд взрослых. У нее теперь был не просто парень, у нее появился настоящий любовник.

Хотя и здесь амурные дела обстояли не совсем гладко. Профессор предпочитал говорить, он обожал, когда его слушают. Полина слушала. Профессор мог часами рассуждать о том, что именно информация убила коммунизм, что роль Горбачева в перестройке мини-

мальна – изменения диктовались экономикой, что Рейган просто дурак и посредственный актер, случайно угодивший в президенты.

Профессор говорил, когда готовил, обычно он стряпал что-то итальянское: равиоли с грибами, сицилийские баклажаны, моцарелла с томатами, макароны с пармской ветчиной. Готовил Саймон артистично, смело импровизируя, – на кулинарные рецепты он плевал.

– Для настоящего маэстро они лишь руководство к действию, – говорил профессор. – Рецепт есть догма, а догма убивает творчество.

Щедро добавляя оливковое масло, он сыпал соль, перец и специи на глаз, не забывая отхлебнуть кьянти из бокала. С поварской ловкостью шинковал петрушку и базилик, иногда перебивая сам себя восклицаниями типа «бениссимо» и «магнифико». Еда получалась действительно вкусной.

Профессор подбирал Полину у антикварной лавки и обычно вез к себе на Ист-Сайд. За такую квартиру запросто можно было заложить душу дьяволу: с мраморным холлом и швейцаром, квартира была на двух уровнях, в гостиной три сводчатых окна выходили на Пятую авеню, слева виднелась колоннада музея Метрополитен, справа зеленой горой вставал Центральный парк. Если лечь в ванну, то в круглое окно были видны верхушки небоскребов мидтауна. Самое удивительное, что в этой квартире никто не жил, иногда ключи выдавались проезжей родне или друзьям, посещающим Нью-Йорк.

Ребекка Лири предпочитала жить за городом, в Вестчестере. Эта квартира казалась ей тесной, город шумным, народ суетливым и неприятным. Ребекка много путешествовала. Она считалась специалистом по Дюреру и немецкому Ренессансу в целом, ее приглашали на всевозможные конференции и прочие мероприятия окологуманитарного характера. В спальне стояла фотография, которую профессор каждый раз незаметно поворачивал к стенке. Там Ребекка снялась на фоне какого-то готического собора, Полина иногда разглядывала ее лицо и совершенно не могла представить эту холеную высокомерную суку рядом с милым Саймоном. Сам профессор говорил, что их семейные отношения давно эволюционировали в дружеское партнерство, при этом Саймон грустно улыбался и гладил Полину по колену. Полина верила и отчасти даже жалела искусствоведку.

Полина понимала тупиковость отношений с профессором, этим апрелем ей исполнилось двадцать четыре, она все еще считала себя достаточно молодой, и будущая жизнь с вероятными детьми и предполагаемым мужем виделась Полине расплывчато и в общих чертах. Гораздо больше ее занимало трудоустройство после получения диплома, впрочем, ясности здесь тоже не было.

Профессор был в отличной форме, разумеется, для своего возраста. Когда он садился на край кровати и стягивал носки, кожа собиралась в складки, отвисала в неожиданных местах. Особенно уродливыми казались ступни ног, желтые, словно из воска, с корявыми бледными ногтями. На бедре темнело родимое пятно размером с маслину, а от пупка по диагонали вверх тянулся шрам. История шрама так никогда и не прояснилась, Саймон уклончиво ответил, упомянув Ленинград и какого-то Герхарда. Именно тогда Полина решила, что Саймон не всегда был всего лишь профессором.

Любовником он оказался торопливым, иногда эгоистичным, Полине казалось, что Саймон обычно пытается поскорее покончить со всей этой постельной канителью и перейти к действительно приятным делам: к вину, ужину, к разговорам. Но старая школа брала свое – он каждый раз собственноручно раздевал ее, ловко справляясь с застежками, молниями и крючками, после подолгу занимался ее грудью. Грудь Полины действительно заслуживала внимания, тем более что, судя по фотографии, профессорше похвастать особо было нечем.

От антикварной лавки Саймон всегда гнал по Бродвею, раскручивался вокруг статуи Колумба, одиноко скучающей на колонне в центре тесной площади, потом ехал вдоль парка,

сворачивал у Плазы на Пятую. Тем днем маршрут изменился – профессор неожиданно нырнул на первом светофоре направо, спустился к Гудзону и понесся по набережной на юг.

Полина знала правила игры: это какой-то сюрприз, спрашивать бесполезно. Она сползла вниз по сиденью, уперлась коленями в бардачок. Очень хотелось курить, даже не курить, а просто держать в губах сигарету, чтоб огонек от ветра раздувался и горел рыжим, а дым улетал быстрой белой струйкой за плечо.

Она поправила черные очки, потыкала в приемник, нашла какую-то древнюю песню, записанную за год до ее рождения. Саймону тогда было столько же, сколько сейчас ей. Он слушал эту песню тогда, мускулистый, молодой, без дряблых складок и шрамов. Песня звучала точно так же. Пройдет еще лет двадцать пять, и Полина, потертая и седая, будет куда-то ехать, а по радио опять будут крутить эту песню. Хотя наверняка к тому времени придумают какие-нибудь пилюли от морщин и складок, и вообще двадцать пять лет – это почти вечность. Песня неожиданно рассыпалась испанской гитарой, пронзительно грустной и хрупкой, мелодия потекла плавно: «Ты можешь быть, кем ты захочешь, но для начала стань свободным, стань самим собой».

Все верно, все именно так, Полина переключила канал. Странный механический женский голос зашептал из динамиков:

– ...Ласточки не успеют стряхнуть пыль со своих острых крыльев, но день полнолуния уже близок, Козерог в доме Марса, дева непорочная с серпом, готовым для жатвы. В ту ночь я, Махатма Ас-Гам-Зи, сыграю Лунную сонату задом наперед, что повернет вспять историю рода человеческого, и все грехи людские будут прощены. Для тех, кто...

Полина ткнула кнопку, и странная тетка сменилась разболтанным регги. Боб Марли пел про шерифа, которого он пристрелил в порядке самообороны.

Саймон лихо вписывался в виражи, выставив наружу острый загорелый локоть. Машина взлетела на мост, гулко понеслась под циклопическими стропами с гигантскими гайками. За ажурной решеткой, слившейся в пульсирующий серебристый звон, далеко внизу искрилась вода с игрушечными яхтами. Сзади по берегу торчали терракотовые кубики Гарлема, дальше, почти на горизонте из бетонного марева мидтауна вырастал стальной конус Крайслера. Мост кончился, и они въехали в Квинс.

Пошли пыльные домишки, заборы, промелькнуло кладбище с серым частоколом надгробий, ангелов, крестов. На бесконечной кирпичной стене старого склада проскочила полусмытая реклама давно исчезнувшей компании автошин. Потом пошла корпуса заброшенной фабрики с выбитыми стеклами. Полина родилась и выросла в Нью-Джерси, она по себе знала, что некоторые реки иногда бывают пошире морей, а соединительная функция мостов порой становится унижительной насмешкой.

У Полины была забавная фамилия – Рыжик, она смущалась всякий раз, называя ее. В ее голове тут же возникали оранжевые ассоциации: носатые клоуны, грибы-рыжики, снеговики с морковками. Смешная фамилия досталась от бабушки: совсем юной, сразу после войны она оказалась в Австрии, а оттуда, переплыв Атлантику, попала на Восточное побережье и обосновалась в Нью-Джерси. Здесь от развеселого паренька (на единственном фото в бабкином альбоме он снялся с гитарой и в ковбойских сапогах со скошенными каблуками) родился отец Полины – Чарльз Рыжик, сделавший удачную карьеру в жевательном бизнесе. Он работал директором по маркетингу в «Риглис» – флагмане жевательной индустрии.

Детство Полины было пропитано мятным ароматом бесчисленных образцов и тестовых экземпляров, раскиданных по дому в виде пластинок, подушек, шариков и трубочек в пестрых фантиках. Бабка читала Полине на ночь Бунина, Толстого, Набокова, все на русском. В нежном возрасте пяти лет Полина прослушала «Смерть Ивана Ильича», в семь – «Крейцерову сонату». Сейчас Полина говорила по-русски почти без акцента, изредка перевирая ударения да невпопад задирая хвосты повествовательных предложений.

Они встали на светофоре, шофер грузовика с мрачной завистью поглядел на профессорскую руку, перекочевавшую с коробки передач на голое девичье колено. Полина улыбнулась шоферу, тот вздохнул и зажмурился, словно у него занули зубы. Включился зеленый. Через пять минут унылый Квинс остался позади, по сторонам зазеленели поля, лохматые кусты, могучие вязы и клены. Вкусно пахнуло летней травой. Свернули на грунтовку, дорога весело покатила вниз, петляя и наклоняясь то вправо, то влево. Сквозь листву вспыхнула рыжим черепичная крыша, показались три островерхие башни, центральная с флюгером в виде птицы. Полина догадалась, что это и есть логово тощегрудой Дюрероведки.

– Она, – не называя имени, сказал Саймон, глуша мотор. – Она в Штутгарте. Немцы нашли Гольбейна. Она им скажет, настоящий или нет.

Полина хлопнула дверью машины, гравий захрустел под каблуками, она со вкусом потянулась, осмотрелась. Стало ясно, отчего Ребекка считала городскую квартиру тесной – это жилище напоминало замок среднего калибра. За домом темнел старый парк, сквозь частокол стволов во тьме проглядывал то ли пруд, то ли озеро, кроны вязов нависали над черепицей крыши и бросали сетчатую тень на гравий перед входом и неухоженные клумбы с мордатыми хризантемами.

Саймон церемонно распахнул дверь, Полина шагнула в холл, высокий беленый потолок перечеркивали старые балки из темного дерева, каждая толщиной с телеграфный столб. Холл переходил в гостиную с камином, в который можно было войти, не сгибаясь. Полина с надеждой поискала глазами мечи, доспехи и прочую бутафорию – ничего, даже кабаньих голов на стенах не было. Пришлось признать, комната была обставлена безукоризненно. В спальне она уловила приторный запах, так пахнет прокисшая парфюмерия. Запах Ребекки – она подумала, улыбнулась и откинулась на подушки. Саймон уже раздел ее и увлеченно нянчился с грудью, прихватывая губами соски и громко сопя.

Потом был пикник у пруда. На пологом берегу между ив висел гамак, у Полины тут же возникло желание покачаться, которое было благородно подавлено.

Саймон бросил на траву верблюжий плед, угнездил бутылку холодного «шабли», завернутую в льняную салфетку, из корзины выудил два бокала, фаянсовые тарелки, столовое серебро. Разложил сыр, виноград, инжир с орехами, откупорил банку с медом. Полина наблюдала за ловкими руками профессора и думала, что сверстники мужского пола для нее потеряны как минимум лет на десять. Саймон разлил вино, придвинувшись к ней, щекотно шепнул в ухо банальное:

– За нас!

Сверху голосили невидимые птахи, голова приятно плыла, Полина пыталась слушать историю Карибского кризиса, но мешали птицы. Она постепенно сдалась и, продолжая изредка хмыкать и поддакивать, провалилась в ленивую истому. Мысли обо всем и ни о чем неспешно тянули ее куда-то, убаюкивали.

– ... Этот недоумок от авиации генерал Лэммей, – профессор хрустнул сочной виноградиной и продолжил, – игнорируя приказ президента, продолжал полеты над Союзом. В тот же день русские чуть не сбили еще один самолет-шпион. Над Сибирью. Первый был сбит утром над Гаваной, пилот майор Андерсон погиб. В учебниках этот день называется «Черная суббота». Русские телеграфировали в Кремль, что ожидают нападения в ближайшие сутки. Хрущев объявил готовность номер один. Мир оказался на пороге ядерной войны. Ближе мы не оказывались ни до, ни после.

Ни до, ни после – эхом откликнулось в голове Полины. Она не понимала, зачем профессору понадобилось тащить ее сюда, демонстрировать все эти роскошные интерьеры, экстерьеры, пейзажи и натюрморты, единственное, в чем у нее теперь не было сомнений, так это в том, что мужчины (в отличие от женщин) не взрослеют, внутри каждого матерого зубра

сидит резвый козленок, и умение прятать его и выглядеть солидно зависит целиком от индивидуальных способностей и таланта к мимикрии.

Стемнело. Они сидели у камина (день продолжал разыгрываться по сказочному сценарию), огонь покрасил руки и лица, в углах сгустились тени, потолок исчез, сверху нависла черная бездна. Саймон щурился на огонь, поглядывая то в коньячный бокал, то на Полину. После ванны она забрала волосы наверх, выставив напоказ неожиданно долгую шею. Отвергнув искусствоведкины тряпки, Полина накинута вместо халата белую профессорскую рубаху, из-под нее выглядывало белье, красное с фиолетовыми кружавчиками. Полина считала, что это кич, но белье подарил Саймон, пришлось надеть.

– В лучшем случае будешь заведовать каким-нибудь архивом имени братьев Карамазовых, – профессор сделал маленький глоток, помолчал, оценивая вкус. – За сорок тысяч годовых. Или читать в Мидлберри прыщавым подросткам письма Онегина к Печорину.

– К Татьяне.

– И к Татьяне тоже. И все за те же сорок тысяч.

Полина засмеялась:

– Но ты ведь сам примерно этим и занимаешься!

Саймон улыбнулся.

– Вот именно. Поэтому и говорю.

Он подался к ней.

– После Берлинской стены, – он понизил голос, словно их могли подслушать, – после Горбачева, после Ельцина... – он оглянулся в пустой холл, – наступила эйфория, Конгрессу удалось срезать бюджет, да и в конторе не очень сопротивлялись. Восточный сектор свернули. Вручили ордена и медали... – профессор сделал глоток. – Почетные пенсии... Ну и под зад коленом.

Полина выставила руки и смотрела в огонь сквозь растопыренные пальцы. Сделала птицу, скрестив большие пальцы.

– Сейчас ситуация изменилась.

Птица расправила крылья и полетела.

– Они набирают, – Саймон улыбнулся. – Могу дать рекомендацию.

Полина улыбнулась в ответ:

– У меня диплом по Толстому.

– Да кому твой Толстой нужен? – спросил профессор чуть резко. – То, чем ты собираешься заниматься, – тупиковая ветвь. А я предлагаю перспективу. Интересную перспективу. Ты – умная, красивая баба, молодая...

– Спасибо.

– Это не комплимент, а констатация факта. Будешь работать в посольстве, консульстве или под крышей какого-нибудь Сороса. Москва, Прага, Питер... – он усмехнулся. – Восточная Европа – весьма занятный регион.

Полина поджала под себя ноги, натянула на колени рубаху. От нее пахло крахмалом, прачечной. Полина подумала о бабе Нине, Нине Егоровне Рыжик.

– Мою бабушку немцы угнали в плен. В самом начале войны. Они жили под Брестом. – Полина говорила тихо. – Следом за войсками шли эсэсовцы. Полдеревни, всех мужчин и пацанов согнали в амбар, амбар облили бензином. Моя бабушка все это видела. Она мне рассказала перед самой смертью, говорит, крики из амбара до сих пор слышит. Там отец ее был, два брата.

Профессор вздохнул, допил коньяк. Полина зябко поежилась и добавила обычным тоном:

– Мне нужен.

Саймон не понял, рассеянно поглядел на нее.

– Ты спрашивал, кому нужен Толстой. Мне.

Прошла неделя, профессор не позвонил. У них было заведено, что всегда звонил он. Полина вытерпела до вторника, вечером набрала номер. Он взял трубку сразу, ответил чужим, сухим голосом, что перезвонит. Сразу нажал отбой, Полина что-то пролепетала в частые гудки, осеклась на полуслове. К горлу подкатила тошнота, Полина налила в кружку воды из крана, рука была слабой и чуть дрожала. Отпила, вода оказалась теплой, она выплюнула ее в раковину. Телефон запиликал. Она вздрогнула, метнулась к столу. Завтра в три, сказал профессор тем же чужим голосом.

Полина минут десять стояла с телефоном в руке. В голове было пусто. Постучали в дверь, Полина вздрогнула, открыла. Мона со второго этажа, толстая мулатка с бородавкой на подбородке и в роговых очках. Попросила сигарет. Полина спустилась с ней вниз, они сели на асфальт, закурили. Мона что-то говорила про свой диплом, потом про какую-то Жасмин, которая крутит голой жопой в «Экстазе» и делает по штуке за ночь. Полина глубоко затягивалась и кивала, разглядывая окна общаги. Тусклые желтые квадраты лежали на тротуаре, сквозь деревья мутным конусом светился физический факультет.

Она почти не спала, препарируя в памяти последнюю встречу: дорогу туда, секс, пикник, разговор в гостиной, секс, завтрак, дорогу обратно. Она ничего не понимала, и от этого становилось совсем тошно. Подходила к окну, курила в форточку, спрятав сигарету в кулак. Ложилась. Постель казалась жесткой и грубой, все тело чесалось. Она снова вставала и шла к окну. Под утро провалилась в полубред, отчетливый и яркий: она голая стояла по пояс в воде, коричневой и грязной. За ее спиной кто-то прятался, она с ним спорила. Она знала, что поворачиваться нельзя.

После душа Полина разглядывала себя в узкое зеркало, прибитое к дверце шкафа. Хлопнула ладонью по загорелому животу, провела по бритому лобку: профессор не одобрял отсутствие волос, говорил, что это напоминает педофилию. Полина брызнула одеколоном на шею, плечи, провела рукой по груди, в паху, по ляжкам. Надела черный лифчик, соски выглядывали наполовину из-под сиреневых кружев, как и было задумано. Натянула трусы. К полудню она уже убедила себя, что случилось какое-то недоразумение. Что они встретятся и ошибка моментально вскроется. Они посмеются и поедут на Пятую авеню. Она сунула запасные трусы в сумку.

Когда Полина пришла к антикварной лавке, профессорская машина уже стояла там, правда, за углом и с поднятым верхом. Он толкнул дверь. Полина, привычно бросив сумку назад, села. Она хотела что-то сказать, но Саймон, не взглянув на нее, дал газ. Он смотрел вперед, сосредоточенно, словно собирался идти на таран. Костяшки рук побелели, он резко бросал машину вправо и влево, зло втыкая передачи и резко давя на газ. Прошло двадцать минут. Они неслись по Ист-Сайд, с одной стороны за ржавыми контейнерами мелькала река, с другой тянулись глухие, пыльные стены каких-то складов. Полина не могла представить, что такие места вообще существуют на Манхэттене. Саймон затормозил и въехал на заброшенную автозаправку. Окна конторы были заколочены щитами, по фанере и стенам тянулись иероглифы граффити. Саймон вылез, хлопнул дверью. Полина вылезла вслед.

С самого утра парило, у Полины сразу вспотели ладони. Теплый ветер гнал пыль, от нее першило в горле и чесались глаза.

– На блесну, значит? – Саймон сердито глядел мимо нее. – На блесну...

Полина растерянно повернулась, открыла рот.

– Только вот не надо... – Саймон раздраженно махнул рукой. – Вот этого только не надо! Хорошо?

Он резко прошелся взад и вперед. Остановился у ржавого корпуса бензиновой колонки. Пнул его ногой.

– Придуманно все на «пять». Только один момент ты не учла: мы с Ребеккой уже тридцать лет вместе. И вместе через такое прошли, что тебе и не снилось.

Полина обхватила себя за плечи, ей вдруг стало зябко. Она не знала, что сказать, с чего начать, ей казалось, что профессор сошел с ума. Или она сошла с ума. Или весь мир.

– Саймон! Ты можешь наконец объяснить? В чем дело?

Профессор с ненавистью взглянул ей в лицо и громко засмеялся.

– Молодец! Ох, молодец! – он снова пнул ногой колонку. – Полина, это конец. Все, понимаешь? Кончай дурочку ломать.

– Я ничего не понимаю. – У Полины першило в горле, голос вышел сиплый, словно она собиралась расплакаться. – Правда...

От этого профессор только раззадорился. Он перешел на крик:

– Овечка! Ничего она не понимает! Неужели тебе могло прийти в голову, что я женюсь на тебе?

– Что?!

– Ты думаешь, я не видел? Ты думаешь, я не знаю вашу славянскую породу? Вашу зависть, вашу азиатскую хитрость? – он закашлялся. Кашлял долго, его лицо покраснело, он сплюнул на асфальт. – Знаю! Знаю!

– Господи... Что происходит? – Полина поняла, что плачет, она быстро провела рукой по лицу. – Саймон, ради бога!

Она слышала свой голос, противный, в нос. Голос человека, безусловно, виноватого, голос обманщика. Она не знала, в чем виновата, но такому голосу не поверила бы сама.

– А знаешь, что она сказала? Ребекка. Когда нашла их. Что я таскаю в дом дворняжек! Что такие серьги не наденет даже портовая шлюха!

Полина вздрогнула, мир качнулся и встал на место.

– Саймон! Клянусь... Я думала... я искала... неужели ты думаешь... – она осеклась, словно у нее кончился завод, как у пружинной игрушки.

Профессор достал с заднего сиденья ее сумку, брезгливо бросил Полине под ноги. Внутри тихо звякнули ключи.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что на этом все? – Он сделал паузу и исподлобья посмотрел на Полину. – И не дай тебе бог...

Полина подняла сумку, достала сигареты. Руки у нее тряслись, она несколько раз чиркнула зажигалкой, ветер тут же гасил пламя. Саймон сел в машину, хлопнул дверью. Наконец прикурив, Полина глубоко затянулась.

– Погоди, – выдохнула она.

– Чего еще? – спросил он грубо, включая стартер.

Полина достала из сумки связку ключей, выбрала английский, воткнула острие бороздки в крыло машины и сказала:

– Да нет, ничего.

Профессор выжал сцепление, дал газу и рванул машину с места. На крыле и двери красовалась глубокая, свежая царапина.

2

Грэг прислал цветную открытку с закатом над Эдинбургским замком. На обороте была марка с королевой в профиль, припечатанная грязным фиолетовым штемпелем. Грэг маленькими буквами, словно писал из тюрьмы, расписывал шотландские красоты: вересковый дух над вечерними полями, ключья тумана меж скал, руины замков – банально и в меру поэтично. В постскрипуме, втиснутом в угол открытки, упоминался некий Рональдо, танцор, с которым Грэг собирается переехать в Амстердам. Вместо подписи стояло кривое сердечко и буква «Г».

Полина, дочитав, хмыкнула и прикрепила вечерний замок к стене между портретом босого Льва Толстого и фотографией Чехова, которого все принимали за ее дедушку. С Грэгом ситуация более или менее прояснилась. Профессора Саймона Лири она видела пару раз издали, разумеется, он ее не замечал. С профессором тоже все было ясно.

Третьего июля Полина защитилась, ее хвалили, завкафедрой славистики Левенталь два раза произнес слово «превосходно». На другой день было вручение дипломов, из Нью-Джерси приехали родители. Мать вытирала глаза зажатым в кулак платком, отец балагурил, говорил бодрым и громким голосом, знакомился с другими родителями. Он выставлял энергичную ладонь и рычал: Чарльз Рыжик. Полине, как всегда, было неловко за свою смешную фамилию. Стояла жара, Полина взмокла в фиолетовой мантии, сшитой в Китае из какой-то синтетической дряни. Когда подошла ее очередь, она чуть не грохнулась в обморок на подиуме, что-то пробормотала в микрофон, уронила шапку, кое-как вернулась на место. Отец воскликнул «ого!», ухватил диплом, пробуя на вес, словно приценивался, купить или нет. Полина разглядывала готические буквы, университетский герб, золотую раму, ей отчего-то стало тоскливо. Родители смеялись, мать гладила ее по голове, как ребенка, что-то спрашивала. Она улыбалась, молча кивала, закусив губу. Она боялась разреветься.

Через день на двери общаги появилась бумага, предупреждавшая, что все комнаты должны быть освобождены к концу месяца. Полина с минуту глазела на объявление, весь текст угрожающе был набран заглавными буквами. В слове «администрация» вместо первого «и» стояла «е». Полина хотела исправить, но не нашла ручки. Она поднялась к себе, стала ходить от окна к двери, четыре шага туда, четыре обратно. С улицы долетал резкий женский голос, ругались по-испански. Полина захлопнула форточку. Подошла к столу, включила компьютер. Мрачно поглядела на экран. Потом тихо опустилась на кровать и закрыла лицо руками.

Она проснулась ночью, проснулась внезапно, будто ее кто-то выдернул из сна. Она резко приподнялась, вытянула шею, пялясь в темноту. Сердце ухало где-то в горле. Что ей снилось, она не помнила совсем, осталось лишь ощущение жути. Полина встала, дошла до окна. Деревья черными лапами загораживали улицу, в рваных просветах маячили слепые фонари. Полине эти огни напомнили пристань, тихий прибой. Она распахнула форточку. Дух ночного города обдал теплом, она тихо стояла, вдыхая резкий запах асфальта и гари. Невидимый автобус, грозно рыча, мощно набирал обороты, и казалось, шел на взлет.

Два дня Полина не выходила из общаги, ее комната провоняла китайской лапшой, картонки от которой валялись по полу, стояли на подоконнике. Резюме продолжало выглядеть неубедительно, Полина несколько раз редактировала текст, меняла шрифты – суть оставалась прежней: диплом Колумбийского университета и никакого опыта. Три статьи в студенческой газете «Квест» плюс летняя работа в библиотеке Конгресса год назад – вот и вся практика.

Полина вздыхала, копировала письмо, меняла имя адресата и название конторы. Цепляла файл с резюме, нажимала «отправить». Вычеркивала из списка. Эту операцию она проделала уже сорок семь раз. На краю стола лежали две последних сигареты. Полина несколько раз порывалась закурить, но каждый раз сила воли одерживала верх.

Последним в списке оказался журнал «Еврейское книжное обозрение», им требовался ассистент редактора со знанием русского языка. Полина захлопнула крышку ноутбука, потянулась. Нашла зажигалку, зажав в кулак, сбежала вниз по лестнице.

На бордюре клумбы сидела Мона, выставив вверх толстые бледные колени. Она говорила по телефону, курила, часто затягиваясь и стряхивая пепел в пустую банку из-под пива. Полина села рядом. Мона нажала отбой, спросила:

– Про Росса слыхала? – и, не дожидаясь ответа, сразу продолжила: – Кафедра русского в Дюке – охренеть! У тебя, наверное, тоже все тип-топ? Видела твоего папашу – козырный такой!

Мона подмигнула.

– Не-е, – Полина помотала головой. – Мой же не сенатор. А ты куда?

– Я? – Мона ввинтила окурочек в дырку банки. – Я в школу. В Цинциннати.

– Школу? – растерянно повторила Полина. – В смысле?..

– В прямом. Учителем.

– С нашим дипломом? В школу?

Мона повернулась к Полине, на ней не было ее толстых очков в роговой оправе, близорукие глаза оказались по-детски светло-серыми.

– Я с февраля триста сорок резюме раскидала. Триста, твою мать, сорок! По всему миру! – Она снова закурила, выпустила дым Полине в лицо, замахала ладонью. – Триста сорок! На хер мы не нужны. Никому!

– С февраля? – поникшим голосом переспросила Полина.

«Господи, а я-то что с февраля делала? – Мысли запутались, неясная паника начала расти, она нервно вдохнула, закашлялась дымом. – Вот дура! Дура!»

Ей казалось, нет, она просто была уверена, что надо хорошо учиться, получить диплом, отправить несколько резюме, сходить на пару интервью, а потом начать работать. Просто начать работать. Это как ступеньки, ты идешь по ним, шаг за шагом. Ведь так и было всю жизнь – шаг за шагом.

– Ты чего? – Мона спросила с грубоватым сочувствием. Полина помотала головой, в горле стоял ком.

– А этот... – Мона подмигнула. – Профессор с международной? Не поможет?

Полина открыла рот, не зная, что сказать. Она сидела как деревянная, зажав между пальцев тлеющий окурочек и чувствуя, как медленно разгораются ее скулы.

Утро добавило проблем – жилье... Вырвавшись из ненавистного Нью-Джерси, пошлого и провинциального вдвойне из-за унижительной близости к Нью-Йорку, Полина прожила четыре года на Манхэттене, вросла в его плоть, слилась с его ритмом, стала его частью. О возвращении к родителям не могло быть и речи – в Полининой шкале этот шаг располагался где-то между монастырем и самоубийством. Полина перерыла Интернет, просмотрела всю секцию аренды жилья в воскресной «Таймс»: цены на дрянную студию размером с кладовку начинались с тысячи. Не говоря уже о том, что рантье-кровопийцы требовали трехмесячный залог при подписании контракта. Короче, Манхэттен оказался просто не по карману.

На компьютерной карте Бронкс ничем не отличался от Манхэттена, те же улицы, площади, кубики домов, прямоугольники скверов. Такая же земля на другой стороне Ист-Ривер, тот же город Нью-Йорк. Просто другой район. Самовнушение начинало потихоньку

работать, паника постепенно улеглась. Полина налила вина, забралась с ногами на кровать. Устроившись по-турецки, раскрыла ноутбук, набрала в поиске «временное жилье в Бронксе». Отвергнув пару пансионов, она натолкнулась на темно-голубую рекламу мотеля «Стардаст». Чтобы у потенциальных клиентов не было сомнений, анимированная звездная пыль мерцала по всему переливчатому фону.

– Ну и кич... – пробормотала Полина, допивая вино.

Номер в сутки стоил двадцать восемь долларов. Самый дешевый. Полина прикинула, оказалось, что это даже дешевле, чем снимать квартиру в том же Бронксе. Она набрала номер, бодрый женский голос ответил почти сразу:

– «Стардаст» к вашим услугам!

«Вот именно такого оптимизма мне и не хватает», – подумала Полина и забронировала номер на послезавтра.

Мотель «Стардаст» напоминал длинный одноэтажный сарай, крашенный салатовой краской. Торцом он упирался в глухую стену склада. Все двери мотеля выходили на дорогу и были синими, на каждой по трафарету была набита лимонная звезда с номером комнаты, всего девять. За десятой дверью, со звездой и надписью «Контора», обитала хозяйка. Полине достался седьмой номер. Из ее окна был виден кирпичный угол склада, кусок эстакады и рекламный билборд над шоссе. С выгоревшего щита драными обоями свисали клочья старых реклам. Шел дождь. Полина, упершись кулаками в подоконник, разглядывала трещины в мокром асфальте, мелкий мусор, застрявший в решетке стока.

Машину, ее дряхлый «Форд», вскрыли в первую же ночь. Брать там было нечего, шпана выгребла всю мелочь, даже медяки. «Форд» стоял за мотелем на бетонной площадке, усыпанной окурками и использованными иглками для шприцов. Там собиралось местное хулиганье, подростки-пуэрториканцы. Трусливые, но опасные, парни лет пятнадцати, вооруженные бритвами. Они были коренасты и жилисты, в мешковатых штанах и тупорылых солдатских ботинках. Они вились вокруг мотеля и возле складов, высматривая, чем бы поживиться. Караулили фуры на разгрузке, налетали стаей и грабили. Запросто могли полоснуть бритвой.

Дорис, хозяйка мотеля, она же портье, она же оптимистичный голос в телефоне, на деле оказалась теткой за пятьдесят, с желтыми, как у куклы, волосами и крепкими мужскими руками, на правом бицепсе синела татуировка – голова тигра и слово «Джаг». Слово оказалось именем, Джаг был ее мужем, он в феврале по третьему кругу отправился в Афганистан.

Полина перечитывала «Жизнь Арсеньева», курила и каждые полчаса подходила к компьютеру. Прошло две недели, ни одного ответа, ни одного интервью. Надежда, что все решится само собой и как-то образуется, постепенно рассеивалась, сменялась тревогой, переходящей в тихую панику.

Полина вытащила сумку, порылась в бумагах. Нашла список, начала звонить. Через коммутатор добиралась до отдела кадров, спрашивала про свое резюме. Ответы можно было поделить на три группы: да, получили, но место уже не вакантно; нет, не получили, но посылать ничего не нужно, позиция занята. Ответ номер три – лицо, с которым нужно говорить, находится в отпуске, в командировке во Флориде или на Аляске, обедает, проводит встречу или просто страшно занят в настоящий момент. Полина записывала имена, фамилии, время, когда надо перезвонить, – постепенно бумага покрылась неразборчивой тайнописью, состоящей из жирных пятен, слов и цифр разнообразного калибра.

Телефонные разговоры выматывали. Говоря, Полина нервно ходила по комнате, жестикулировала. Через час у нее уже раскалывалась голова. Она курила, от курева голова болела еще сильнее.

Незаметно стемнело, она опустилась на край кровати, потом устало повалилась на бок и тихо заплакала. Ночью она проснулась от стрельбы, казалось, что стреляют совсем рядом, за шоссе. Полина лежала на спине, боясь пошевелиться. Потом завывали сирены, жутко и протяжно. Сначала вдали, едва различимо, сирены постепенно приближались. Под конец истеричный вой уже раздавался под самым окном. Полина накрыла голову подушкой.

Утром она босиком подошла к окну, чуть отодвинув занавеску, с опаской выглянула наружу. Ничего. Там не было ни полиции, ни трупов, ни пятен крови на асфальте. Лишь на кирпичной стене склада появилось яркое граффити, похожее на узкое лицо с длинными ушами. Рисунок был набрызган по трафарету розовой аэрозольной краской. Полина поплелась в душ, открутила до упора горячий кран, вода полилась ледяная, потом чуть потеплела. С зубной щеткой во рту она, не мешкая, влезла под слабые струи, зная по опыту, что если упустить момент, то вода снова пойдет холодная.

Страшно хотелось кофе. Намотав на голову мотельное полотенце, серое, с подозрительными ржавыми пятнами, Полина собралась в «Контору» – хозяйка поила жильцов кофе с семи до десяти. Кофе был дрянной, но горячий, а главное, бесплатный. Никелированный термос с краном стоял на табурете у двери.

Пристроив картонный стакан на бордюрный камень, Полина достала сигарету.

– А мой дедушка умер от сигарет, – раздался за спиной ехидный голос.

Полина повернулась. Девчонка лет девяти, в соломенной шляпе с лентами и бумажными цветами, смотрела на нее хитрыми глазами и улыбалась. Глаза были как перезрелые вишни, почти черные.

– Тебя как звать? – спросила Полина, сунув сигарету обратно в пачку.

– Меня? – удивилась девчонка. – Меня зовут Глория.

– Ух ты! Вот это я понимаю имя! А сколько тебе лет?

– Мне? – снова удивилась Глория. – А дай мне кофе? Глоточек. Ты не бойся, я слюней не напускаю!

– Точно? – Полина сняла крышку со стакана, протянула девчонке. Та сделала глоток.

Хитро глянула из-под шляпы.

– А можно еще?

Полина засмеялась:

– Валяй, допивай.

– Не, я только глоточек. Мне ж кофе нельзя. Бабушка если узнает, она меня знаешь как накажет! И тебя тоже. Хоть ты и взрослая.

Глория протянула стакан, вытерла ладошкой губы.

– А ты ангела видела?

Полина присела на корточки, поглядела ей в глаза.

– Опять хитришь? Какого ангела?

– А вон! – Глория вытянула руку в сторону склада.

– Так это ангел, – Полина засмеялась. – А я думала, что это уши. А это...

– Крылья! – Глория тоже засмеялась. Вдруг перестала и серьезно сказала: – Это ангел

Индалесио, моего соседа.

Дверь конторы распахнулась, на пороге появилась Дорис.

– Опять? А ну давай домой! – Она грозно уперла руки в бока.

Полина вздрогнула, потом сообразила, что это не ей. Девчонка, придерживая рукой шляпу, припустила вдоль мотеля, бумажные ленты разноцветно вспыхнули и скрылись за углом.

– Как успехи? – спросила хозяйка.

Полина тоскливо махнула рукой.

– Ты это брось кукситься! – Дорис большими руками взлохматила свои яичного цвета кудри. Мужская линиялая рубаха была ей велика, Полина подумала, что это рубаха Джага.

– А когда ваш муж возвращается? – спросила она первое, что пришло в голову. Говорить о себе ей совсем не хотелось..

Дорис оживилась, сбивчиво стала перечислять какие-то географические пункты – Карабастан, Забарастан, – они звучали одинаково нелепо и напоминали заклинание дервиша из арабской сказки.

– Обычно один тур – шесть месяцев, при учете военных действий, а если без, то девять, но кто сейчас соблюдает, могут загнать и на год, с них станется. Людей-то нет... – Дорис нервно вдохнула, словно ей не хватало воздуха. – Война десять лет идет, а всем плевать, даже и не замечают: «Что, где, какая война? А, эта...» Всем плевать. Только если у тебя там муж. Или сын. А так... – Дорис вдруг осеклась, развернулась и скрылась в конторе, хлопнув дверью.

Полина постояла, глядя на лимонную звезду. По краю желтый цвет смешался с синим и стал ядовито-зеленым. Из конторы послышался грохот, словно уронили буфет с посудой. Полина вздрогнула и, тихо ступая, пошла к себе. В восьмом номере тоже проснулись, из-за двери женский голос с тупой настойчивостью повторял: «Ну? Ну? Ну?» Полина прислушалась. Женщина перешла на «Да! Да!», потом застонала.

Полина сглотнула, сунула руку в карман, ища ключ. Ключ оказался в другой руке. Ее интимная жизнь приближалась к нулю. Она попыталась вспомнить – да, последний раз это было с Саймоном, когда она забыла серьги на ночном столике. Замок заедал, она вынула и снова вставила ключ, повернула. В кармане запиликал телефон. Номер высветился нью-йоркский.

– Доброе утро! Мне нужно переговорить с мисс... Рыжик, это правильный номер?

– Да... – выдохнула Полина, застыв на пороге. – Да, это я.

– Меня зовут Бетси Кляйн. Я редактор журнала «Еврейское книжное обозрение».

Полина не шевелилась, боясь ненароком разрушить ткущееся из воздуха чудо.

– Мы ищем человека для работы с русским архивом. Вам это интересно?

О, волшебное, любимое обозрение милых еврейских книг! Полина страстно закивала головой.

– Але! Вы меня слышите? – заволновалась Бетси Кляйн. – Але?

– Да, да! Да, слышу! – закричала Полина. – Да, интересно!

– Тут связь такая... – пробормотала Бетси. – Вы когда могли бы подъехать?

Полина открыла рот, задохнулась, сипло выдавила из себя:

– Это интервью?

– Ну да... – растерянно ответила Кляйн. – Интервью.

– А можно сейчас?

На том конце замолчали, потом Бетси сказала:

– В три?

– В три! – Полина нажала отбой, зажмурилась, подпрыгнула и заорала: – В три-и! В три!

Из восьмого испуганно высунулась женская голова с мокрыми волосами.

– У меня интервью! – прокричала Полина.

– Знаю. В три! – девица хлопнула дверью.

Полина вышла на 72-й, в подземке было душно, она боялась, что вспотеет и под мышками выступят пятна. Поэтому она держала руки чуть на отлете, словно собиралась взлететь. Полина прошла несколько кварталов, искоса поглядывая на свое отражение в витринах: прямая спина, строгое платье, серьезный взгляд. Минимум макияжа, никаких духов –

строго и стильно, серьезный специалист по русской словесности. Не вертихвостка, но и не синий чулок.

Здание одним углом выходило на Бродвей, другим – на Восемьдесят Первую улицу. Дом был старый, Полина поднялась на второй этаж, этажом выше шел ремонт, оттуда воняло сырой побелкой и слышалась задорная мексиканская музыка. Полина посмотрела на часы, глубоко вдохнула и толкнула дверь.

Редакция оказалась тесной. Бетси Кляйн, худая женщина за сорок, с властным лицом и крупными темными глазами, очевидно, некогда блиставшая семитской красотой, жгучей, но, увы, скоротечной, сидела в комнате с половиной окна, вторая половина принадлежала кому-то невидимому за перегородкой. Полина отказалась от предложенных на выбор кофе, чая, воды и почти сразу пожалела об этом – она начала говорить, и у нее тут же пересохло в горле.

Несколько раз звонил телефон, Бетси делала строгое лицо, брала трубку и скупно отвечала тихим голосом. Извинялась, кивала Полине, та продолжала. Закончив говорить, Полина застыла, костяшки кулаков у нее побелели от напряжения. Редакторша помолчала, потом сказала:

– У меня сын окончил Беркли год назад. Работу нашел только в марте. Получает... – она махнула рукой. – Господи, куда все катится?

Полина, кивнув, согласно вздохнула.

– Мы вас можем взять по контракту. На три месяца, – произнесла Бетси другим, официальным голосом. Полина радостно подалась вперед, хотела что-то сказать, редакторша перебила:

– Погодите, погодите. У вас диплом Колумбийского университета, вы специалист по Толстому, свободно владеете русским. Мы вам предлагаем место переводчика и помощника архивариуса, понимаете?

Полина весело кивнула:

– Да, да, я согласна.

Бетси поглядела на нее, грустно сказала:

– Вы ведь даже не спросили, сколько вам будут платить.

– Да! А сколько?

Полина занималась документами для музея Холокоста, которые в двух больших коробках прислали из России. По большей части это были копии протоколов допросов полицаев, старост, надсмотрщиков концлагерей. Часть документов оказалась на украинском. Полина сначала испугалась, но когда почитала, ей стало ясно, что украинский – тот же русский. Попадались смешные, непонятные слова, казалось, их вставили в текст ради шутки.

Полину пристроили в каморку без окон в самом конце коридора. Обстановка состояла из письменного стола с ящиком и тумбочкой, стула, прошлогоднего календаря с видами Северной Италии и настенных часов, умерших на половине девятого. В ящике стола среди конфетных оберток и скрепок обнаружилась пачка презервативов «Троян» с банановым ароматизатором. Полина сунула пачку в сумку и после тайком выкинула в мусорный бак на углу Восьмидесятой улицы.

Редакционный компьютер, неторопливый антикварный монстр, натужно гудел, как пылесос, и сильно грелся. Пришлось принести свой ноутбук. Еще она принесла большую белую кружку, прикрепила к стене грустного Чехова и босого Толстого, поменяла батарейку в часах. Прошлогодние виды Италии очутились в мусорной корзине.

– Ну, вот мы и освоились. Мило, – констатировала Бетси Кляйн, нюхая пестрый букетик, купленный Полиной только что у выхода из метро. – Зайди ко мне, я вазу дам. У меня две.

Полина поблагодарила, Бетси положив цветы на угол стола, сказала:

– Русские свалили все документы в кучу – сама видишь. Я не знаю, была ли у них какая-то идея систематизации, сильно сомневаюсь. Короче, наша задача, – Бетси улыбнулась, – твоя задача, – навести порядок. Просмотреть все копии и отделить дела, относящиеся к Холокосту, от всех остальных. Все преступления против евреев на оккупированной территории, там Белоруссия, Россия, Украина. Расстрелы, отправка в концлагеря, кто доносил, кто составлял списки. Понимаешь?

Полина кивнула.

– Это первый этап. – Бетси выставила большой палец с вишневым ногтем. – Второй этап – перевод. Ты переводишь каждый документ на английский, сохраняешь как отдельный файл. Я думаю, оптимальный принцип систематизации будет географически-временной. Ты понимаешь?

– Дела, относящиеся к одному региону, будут располагаться в хронологическом порядке.

– Именно. – Кляйн улыбнулась. – Молодец. А что, телефон тебе не поставили?

– Телефон? Зачем – у меня есть. – Полина кивнула на мобильник.

Кляйн недовольно пожала плечами, открыла дверь.

– Миссис Кляйн... – позвала Полина.

– Бетси, – перебила та ее. – Зови меня Бетси.

– Бетси... – смутясь, произнесла Полина. – А что с другими делами мне делать?

– С какими? – редакторша удивленно подняла брови.

– Вы сказали, что я сначала должна найти все дела, связанные с Холокостом.

– Ну да, все дела, связанные с геноцидом евреев.

– А что мне с остальными делать? Которые не евреи.

– Нас они не интересуют. Пойдем, я тебе вазу дам, а то цветы завянут.

Полина раскрыла первую папку.

«Хорунжий Арсений Гаврилович, бывший кулак, 1905 года рождения, за особые заслуги перед немецкими оккупационными властями был назначен начальником Луговской полиции. Проводил облавы и аресты, принимал участие в обысках. Участвовал в карательных рейдах против партизан, собственноручно расстреливал и вешал коммунистов и неблагонадежных».

Полина перевернула несколько листов, ксерокопии были серыми, неразборчивыми. Машинописный шрифт, печати и штампы, записи от руки, некоторые с изящными петлями и завитушками, словно образцы каллиграфического искусства. «Инок Пафнутий руку приложил», – пробормотала она, усмехнувшись. Ей всегда хотелось научиться писать вот такой текучей русской вязью.

«... велел доставить арестованных в полицию Нижней Дувановки. Бывший односельчанин, их друг детства Наконечный, оказался предателем. По его приказу каратели арестовали коммунистов и расстреляли на льду у реки села Нижняя Дуванка. Это случилось незадолго до освобождения села войсками Красной армии в январе 1943 года.

Из показаний А. В. Свистунова».

Полина наугад вытащила лист из середины.

«... мы не знали, куда их отправляют. Моего брата, Глущенко Ивана, Хорунжий застрелил сам. Полицай, Солод и Наконечный угнали корову и подожгли хлев. Когда мой дед, Глущенко Сидор, пытался потушить огонь, Наконечный ударил его вилами и убил».

Другой лист был ксероксом газетной статьи.

«Обеспечивая «новый порядок», полицейай на стенах домов, на столбах, на всех видимых местах наклеили объявления, призывающие всех евреев, коммунистов и комсомольцев

явиться для регистрации в районную комендатуру. Весь домашний скот, имевшийся в личном хозяйстве, был взят на учет в сельской управе.

В селе был введен комендантский час, было запрещено собираться группами. Все это сопровождалось угрозой: за неповиновение – расстрел».

После обеда Полина принесла две пустых коробки. На одной написала фломастером «jews». Подумав, затушевала и вывела сверху русской прописью «евреи». Другая коробка осталась без названия.

В пять часов в коридоре захлопали двери, кто-то басовито заржал. Потом все стихло. Полина прошла по коридору, заглянула в пустой кабинет Бетси. В соседнем кто-то с чувством ругался по телефону, очевидно, с женой. Полина, стараясь не топтать, вернулась к себе, сунула мобильный в сумку и выскользнула на лестницу.

Возвращаться в Бронкс не хотелось. На Бродвее всюду бурлила вечерняя толкотня, проезжая часть была забита желтыми крышами такси. Клерки, юристы, банкиры, секретарши, сменив туфли на кроссовки и кеды, ловко избегая столкновений, обгоняли друг друга, умудряясь при этом пить кофе и болтать по телефону. Полина подумала, что надо будет и ей оставлять туфли в редакции.

Она по привычке направилась вверх, в сторону Колумбии, потом вдруг развернулась и пошла на север, к Таймс-Сквер. Веселый негр с бритой, удивительно гладкой, словно отполированной, головой торговал с лотка соломенными шляпами разнообразных фасонов. Он балагурил, зазывая прохожих, и дымил толстой сигарой. Полина вспомнила девчонку из Бронкса, как же ее звали? Ту, в соломенной шляпе с лентами.

– Миледи! – не вынимая сигары, прорычал негр. – Для вас – невероятная скидка! Пятьдесят процентов, – он подмигнул всем лицом.

Полина смутилась, взяла в руки первую подвернувшуюся шляпу, покрутила.

– Нет! – негр возмущенно всплеснул руками. – Вот! Парижский шарм и венский шик!

Он протянул ей шляпу из черной соломки с узкими полями и алой атласной лентой вокруг тульи. Полина поглядела в зеркало – вылитый черный гриб.

Полина зашла за ключом, Дорис записывала что-то в книгу за конторкой, подняла голову и хлопнула себя по ляжкам:

– Ух ты! Это что, там униформа у евреев такая?

Полина засмеялась.

– Ничего смешного. Это надо обмыть. – Дорис подняла загородку, мотнула головой: – Заходи.

Первая комната, тесная, с затхлым чесночным духом, совмещала кухню и гостиную. В углу беззвучно работал телевизор. Дверь во вторую комнату была раскрыта настежь, там виднелась растерзанная постель, из которой расползались по ковру чулки и еще что-то из нижнего белья. Дорис выудила стаканы, щедро плеснула бурбон. Протянула один Полине. Она осторожно отпила.

– Ну-у, что это? – разочарованно протянула Дорис. Полина выдохнула и допила до дна.

– Вот это другое дело! – обрадовалась Дорис и тут же налила еще.

Полина, аккуратно прицеливаясь, стряхивала пепел в пустую бутылку из-под содовой, Дорис попросила закурить, но сразу же закашлялась и, матерясь, придушила окурки в раковине.

– Я не знаю, наверное, я сама виновата. – Полина с благодушной печалью развела руками.

– Это – карма! – строго заявила Дорис. – С женатым мужиком зачем связалась?

– Ну, я ж не знала... Откуда мне... – она махнула рукой и засмеялась. – Что, у него там написано? Что он женатый!

Дорис тоже засмеялась. Полина сидела в кресле, ей казалось, что угол комнаты, где моргал немой телевизор, медленно поднимается. Как нос лодки, если сесть на корму. Она отхлебнула бурбона.

– Я просто с детства такая. У меня никогда и подруг-то не было, все эти барби, принцессы... Я с мальчишками дружила. Ну а в старших классах вся эта дружба можешь представить, во что вылилась. Я ж не думала, дура, что для них... – Полина сделала глоток, сморщилась. – Ну и дрянь... Поэтому я и хотела из Нью-Джерси вырваться. Не могла я там оставаться, в этой дыре! Понимаешь? Меня знаешь как в школе дразнили?

Все стены в комнате были увешаны фотографиями Джага. Одни в рамках, другие были просто приклеены к обоям липкой лентой. В военной форме на фоне флага Джаг выглядел застенчивым здоровяком, из молчунов, на которых так хочется положиться в сложной ситуации. На других, любительских снимках он позировал на фоне уродливых военных машин, на фоне тощих пальм, каких-то дымящихся руин, на фоне плоской желтой пустыни. Везде Джаг выглядел лет на десять моложе Дорис, Полина хотела спросить об этом, но передумала. Ей пришло в голову, что она никогда никого не будет ждать с такой страстью. От этого стало грустно, она вздохнула, с трудом выбралась из кресла.

Они вместе вышли на темную улицу. По эстакаде с ревом пролетел мотоцикл. Дорис протянула ей ключ и кивнула. Полина, покачиваясь на каблуках, направилась к номеру. Повернулась.

– Как ту девчонку звать?

– Какую?

– Ну, ту, в шляпе? С лентами? Она про ангелов еще говорила.

Полина кивнула в сторону склада. Дорис махнула рукой, пошла к себе. Не поворачиваясь, крикнула:

– Все, спать! Спать!

3

Коробки наполнялись равномерно. Спорные документы, где речь шла о коммунистах, партизанах, комсомольцах, а евреи только упоминались, Полина тоже отправляла в «еврейскую» коробку.

Голые факты, конторский сухой язык, списки расстрелянных, повешенных, списки отправленных в концлагеря и угнанных в Германию казались Полине архивной древностью, историей, вроде кровавой экспедиции Кортеса или Крестовых походов.

Ровно в двенадцать она спускалась вниз, покупала итальянский сэндвич, банку колы и шла в Риверсайд Парк. Там она устраивалась на рябой от солнечных пятен траве, открывала Бунина в потертом переплете, лениво жевала, изредка поглядывая на резвых белок, суетливо снующих по деревьям. Иногда любопытный спаниель или терьер подскакивал к ней, тыкался черным носом в ногу, радостно фыркал, здороваясь, и тут же бежал дальше по своим собачьим делам. Сквозь просветы в листве проплывал острый парус яхты или рыжий бок баржи, вода Гудзона не была видна с травы, и Полине казалось, что кто-то тянет эти летние декорации для создания хорошего настроения. Без пяти час Полина снова сидела в своей кладовке на углу Бродвея и Восемьдесят Первой.

В редакции к ней относились по-доброму, но соблюдая дистанцию – всем было известно, что у нее трехмесячный контракт. Бетси не докучала, лишь изредка заглядывала поведать. Полина кивала на коробки, Бетси улыбалась, шурила темно-карие глаза и тихо притворяла за собой дверь. Сортировка подходила к концу, Полине самой хотелось поскорей заняться переводом.

В ту пятницу шел дождь, прогулку в парк пришлось отменить, Полина жевала свой бутерброд в кладовке, соря крошками на клавиатуру. Она бродила по Сети, хотела купить туфли, но передумала, потом нашла вазу венецианского стекла всего за девять долларов, потом залезла в книжное обозрение воскресной «Нью-Йорк таймс», пробежалась по статьям и критике, зашла в список бестселлеров. Тут она застыла и перестала жевать – «Анна Каренина» стояла на четвертом месте по продажам за прошлую неделю. Между «Ватиканским оборотнем» и «Девственницами Кабула». Полина подозрительно перечитала название и имя автора – «Анна Каренина», Лев Толстой. Проглотила кусок, запила водой и пошла в поиск.

Оказалось, дней десять назад Опра Уинфри в своей телепрограмме расплакалась в прямом эфире, рассказывая о катарсисе, который она испытала, закончив вчера ночью читать эту книгу. И что каждая женщина непременно должна, просто обязана прочесть этот роман.

Полина усмехнулась, аудитория, скорее всего, неверно истолковала слово «катарсис». Но факт есть факт – миллионы телезрительниц тут же заказали Толстого. Полина взглянула на стену, с древнего фото грозный старик взирал осуждающе, сунув широкие мужицкие ладони под узкий ремешок и угрожающе выставив бороду. Полина пожалала плечами, виновато улыбнулась и развела руками. Потом сдула крошки с клавиатуры, вытерла губы. Смяв салфетки, сунула тугой, пестрый комок в мусорную корзину. Вытянула новую папку.

«Село Федотовка Новопретраженского сельсовета Нижнедубанского района немцы заняли 9 июля 1942 года в четверг в 13.00 часов дня. За время оккупации села с 9 июля 1942 года по 29 января 1943 года угнано мирного населения в Германию на каторжные работы 42 человека. Фашисты зверски издевались над гражданами, грабили их и били. Трех 65-летних стариков Вергуна Гордея Федоровича, Золотарева Андрея Тимофеевича и Рыжика Егора Ивановича запрягли в подводку и заставили подвозить бочкой воду из колодца для немецких лошадей. Старики были не в силах везти бочку с водой, за что были зверски избиты немцами, после чего они долго болели.

Из показаний Проценко Е.И., жительницы села Федотовка».

Полина взяла следующий лист, отложила, вернулась к предыдущему, перечитала. С минуту сидела неподвижно, потом выскочила в коридор, добежала до кабинета Бетси. Постояв с документом в руках перед дверью, медленно вернулась к себе.

– Але, пап, привет! – голос у Полины был запыхавшийся, словно она взбиралась по лестнице. – Не, все окей. Нет, все... Да я говорю, нормально все. Пап, ты не помнишь...

Чарльз Рыжик любил руководить, ему нравилось, когда все под контролем, включая телефонные разговоры.

– Редакция? Нормальная редакция, у меня контракт на три месяца всего... Не знаю... Нет, пока не думала. Да, да, надо искать... Буду... Буду...

Полина беззвучно выругалась, сделала страшные глаза.

– погоди... Да погоди ты! Я хочу спросить про бабушку.

Чарльз Рыжик наконец перестал говорить.

– Пап, ты не знаешь, где она жила во время войны? Ну там, в России. Верней, в Советском Союзе.

Полина барабанила пальцами по столу, потом ухватила ручку и стала чирикать на листе.

– А где в Белоруссии? Ну, какой город... Или деревня?

Лист покрывался каракулями: треугольниками, квадратами и черной соломой.

– А ты не помнишь, она не говорила про село Федотовка? Или про Нижнедудованский район?

В ручке кончилась паста, Полина скомкала лист и вместе с ручкой бросила в мусор.

– Нет, я просто наткнулась на документ один тут... Да, по работе. Ну, я им перевожу архив русский. Нет, почему? Нравится. Я не знаю. Может, на следующей неделе. Да. Да. Угу.

Полина нажала отбой, вышла в коридор.

Бетси выслушала ее, изредка поглядывая в компьютер, у редакторши был роскошный «мак» с монументальным экраном. Полина начала страстно, убедительно, но под конец выдохлась и уже сама не понимала, зачем пришла и чего хочет. Она замолчала, протянула Бетси копию показаний Проценко, жительницы села Федотовка. Редакторша взяла бумагу, поглядела на нее, вернула Полине. Помолчав, спросила:

– А ты не еврейка?

Полина с сожалением помотала головой.

– Рыжик... – Бетси подняла дуги бровей, словно дегустируя. – Знаешь, звучит вполне по-нашему.

– Нет, это белорусская фамилия. Мне бабушка говорила.

– Жаль... – редакторша скосила черные глаза на экран. – Ну что же они делают... на семь процентов... – пробормотала, щурясь. – Извини. Понимаешь, если бы она была еврейкой, мы могли бы послать запрос и в немецкий архив, и в белорусский. И по нашим каналам попытаться узнать что-нибудь, через музей Холокоста. И здесь, и в Израиле.

Полина виновато кивнула головой.

Вот и Бронкс. Она вышла из метро, нацепила черные очки, прижала сумку к животу и, не обращая внимания на оклики попрошаек, перебежала на другую сторону улицы. Черный парень в бейсболке и в грязной бельевой майке попытался ухватить ее за запястье. Полина увернулась, парень заржал и весело выматерился вслед.

У мотеля что-то происходило, толпились люди, на обочине нос в нос стояли два полицейских «Форда». Будто секретничают, усмехнулась Полина и тут увидела, что дверь в ее номер распахнута настежь. Она подбежала, протиснулась.

– Ну вот! – закричала Дорис. – Я звоню ей, звоню! Эй, офицер! Тут она!

Замок был вырван с мясом, из двери веером торчала желтая щепка. В проеме на корточках сидел полицейский, он снимал отпечатки пальцев. На полу, в раскрытом стальном чемоданчике, блестели разные банки, тюбики, в ячейках лежали кисточки, похожие на макияжные. Точно как в кино, растерянно подумала Полина, пытаясь заглянуть в комнату.

– У вас есть документы? – Толстый мулат в мятом сером костюме выглянул из комнаты. – Я – детектив Льюис. Сэм, пропусти ее.

Обе створки шкафа были раскрыты настежь, тряпки валялись по всей комнате, с лампы свисал черный лифчик с лиловыми кружевами. Подарок Саймона. Полина протянула руку.

– Не трогать! – рыкнул толстяк. Он переписывал данные из ее водительских прав в блокнот. – Посмотрите как следует, что пропало. Деньги, украшения, электроника. Только не трогайте ничего.

Холодильник был распахнут, на двери у ручки чернела пудра для снятия отпечатков. Продукты валялись на полу, бутылка кетчупа, купленная вчера, была разбита вдребезги о край мойки.

«Как кровь», – подумала Полина. Она с отвращением посмотрела на вываленное в красную жижу нижнее белье, майки. Ее замутило, захотелось немедленно уйти отсюда, все оставить и никогда не возвращаться.

– Не знаю... – она пробормотала. – Вроде все тут. Не знаю.

Исчезли черные джинсы и два совершенно новых платья. Почему-то сказать об этом показалось стыдным.

Толпа рассосалась, наступало время ужина, да и все интересное уже показали. Строгий детектив Льюис уехал, Полина держала в руках его визитку с тисненым, приятным на ощупь, полицейским значком города Нью-Йорк. Второй полицейский продолжал возиться с отпечатками. Полина присела на корточки рядом.

– Можно?

– Без проблем, – полицейский поднял голову. Он оказался молодым парнем ее возраста с нежным румянцем во всю щеку.

«Да он не бреется еще, – подумала Полина. – Милый какой».

Они сидели в проеме двери, парень возился с какой-то белой пастой, похожей на сливочный пломбир. Он размешивал ее деревянной лопаткой, такой врачи смотрят горло. Паста постепенно густела.

– Как в кино... – сказала Полина первое, что пришло в голову.

– Ага... Вот тут они, родимые... – парень начал намазывать пасту на дверной косяк. – Мне нужно ваши пальчики снять тоже. Чтоб исключить.

– Я с удовольствием, – кивнула Полина.

Из конторы выскочила всклокоченная Дорис, желтые патлы торчали дыбом, увидев Полину и полицейского, она замешкалась, махнула рукой и вернулась к себе.

– Теперь нужно подождать, когда подсохнет, – полицейский закончил с пастой и теперь любовался работой. – Латексная основа. Резина. Можно использовать ленту – удобней, быстрее, но результат не тот.

«Наверное, гей, – подумала Полина, разглядывая маленькие руки полицейского. – Господи, ну почему, как симпатичный мужик, так непременно гомосек?»

Он взял ее кисть и палец за пальцем прокатал по черной подушке, а после отпечатал на глянцевой, как пластик, бумаге. Парень все делал старательно, руки его были теплыми и

мягкими, как у детского доктора. От него слегка пахло одеколоном, чем-то горьковато-цитрусовым. Полина почувствовала, что начинает краснеть.

– Я вот только не понимаю... – начала она, голос получился в нос, противный. – Это ж не какой-то матерый взломщик, это ж шпана. Вон они, все там. – Она мотнула головой в сторону пустыря за мотелем.

Полицейский убрал ее отпечатки в пластиковый пакет, пакет надписал и спрятал в чемодан.

– Просто столько сил... – Полина продолжала говорить тем же противным голосом, хотела замолчать, но почему-то не могла. – Столько денег, времени. И все на какое-то обдолбанное хулиганье. Вот что совершенно непонятно...

– Конечно, непонятно! – неожиданно резко перебил ее парень. – Раньше суд вот за такое не моргнув давал три года, а сейчас – месяц колонии, а если малолетка, так вообще на поруки отпускают. Вон они – малолетки, с бритвами. Глотку за пару баксов перережут.

– Ну, так что делать? – спросила Полина растерянно.

– А что тут делать? Я вот собираю пальчики. Он завтра, сучонок, вскрыет тачку или попадет на взломе. Мы пальчики его снимем, сравним с этими. Совпадет – сразу пойдет по совокупу. А это уже три года минимум.

– А потом?

– Что потом? Потом выйдет, а мы его снова упрячем. Они ж больше месяца не гуляют. Главное, его, сучонка, в систему ввести, чтоб на коротком поводке был. – Полицейский выпрямился, подмигнул, закончил почти весело: – Вот я этим и занимаюсь. Вот салфетка, вытрите пальцы.

«Нет, пожалуй, не гей», – Полина улыбнулась.

Из конторы высунулась желтая голова, скрылась снова. Полицейский щелкнул замками на металлическом чемодане, протянул Полине руку. Они вместе вышли, он сел в машину.

– Телефон попросил? – Дорис подмигнула, зайдя в комнату. – Бог мой Джизус и мать его Мария! Вот ведь уроды! Ну что ты будешь делать... Слышь, у меня третий пустой, здесь ночевать нельзя. Да и замок только завтра, я Фрэнку позвонила, а он уже в ауте, такого тут навставляет. Хоть и мастер на все руки... Был бы Джаг, мигом бы... – она вздохнула. – Собери что надо, я дверь сейчас заколочу.

Полина нашла пластиковый пакет, сунула туда шампунь, зубную щетку. Все вокруг казалось грязным, она с отвращением дотрагивалась до своих вещей, словно боялась подцепить заразу. Полина подумала, что надо оставить все, теперь каждая вещь отсюда, даже отмытая, постиранная, будет напоминать об этой мерзости. Она вышла, прикрыла дверь.

Дорис вернулась с доской и молотком. Ловко вбила трехдюймовые гвозди, сунула молоток под ремень:

– Дуй в третий. Вот ключ.

Полина не выспалась. Всю ночь ей чудились шаги, кто-то скребся под окном, шуршал гравием на дорожке. Она придвинула стол к двери, сверху взгромоздила стул. Больше в комнате не было ничего, телевизор оказался намертво прикручен к стене. Под утро, когда уже рассвело, ей удалось заснуть. Но тут началась стрельба, и кто-то заорал жутким голосом. Полина вскочила. Проснувшись до конца, поняла, что стрельба ей приснилась, а кричала она сама... Часы показывали шесть двадцать семь. Полина побрела в душ.

В редакции стояла ленивая летняя тишь. По коридору в косых лучах солнца светилась белесая пыль. Полину клонило в сон. Она принесла вторую кружку кофе, сделала большой глоток и обожгла язык. В дверь кто-то стукнул – один раз, громко и требовательно.

Вошла Бетси, положила перед Полиной лист.

– Я получила факс...

– Факс? – смеясь, не сдержалась Полина. – Ой, простите, я просто подумала, что...

– Мы имеем дело с такими конторами, которые пользуются до сих пор телеграфом, телетайпом, голубиной почтой и дымовыми сигналами, – назидательно сказала Бетси. – Тут про вашу бабушку.

Полина схватила бумагу.

– Я отправила запрос в эмиграционный архив, – мадам Кляйн усмехнулась, соболиная бровь изогнулась. – По своим каналам... Короче, вот что удалось узнать.

Бетси вышла. Полина начала читать, вспомнив, крикнула в закрытую дверь «Спасибо!». Она ожидала увидеть официальный документ с гербом, печатями и орлами, что-то вроде сертификата или лицензии. На деле бумага оказалась копией корабельного списка. Сверху стояло название судовой компании «Гамбург-Америка Лайн», чуть ниже штамп «Эллис Айленд, эмиграционный центр». Под номером девять Полина нашла Нину Егоровну Рыжик. Пол женский. 1931 года рождения, русская. Прибыла из г. Бремерхавен, Германия.

Полина удивилась, она всегда считала, что бабушка приехала из Австрии.

«Здорова. Пройшла натурализацию 3-го апреля 1946 года».

Все. Дальше шел некто Генрих-Отто Гонтмахер. Полина перечитала бабкину строку еще и еще раз. Положила факс на стол, опустила голову. Кровь стучала в висках, она закрыла глаза. И это все? Отец ничего не знает, бабушка умерла, никаких писем, никаких бумаг, никаких документов.

– Как же так... – пробормотала Полина. – Одна строчка в амбарной книге? И все? Почему она ничего не рассказывала?

Хотела все забыть. У нее на глазах сожгли дом, убили отца. Потом Германия, какая-нибудь фабрика или ферма. Про такое вряд ли хочется рассказывать детям на сон грядущий.

В полдень Полина спустилась вниз, вышла в раскаленный город. Слепящее солнце плавало асфальт, в клочке тени у беленой стены сидел на корточках старик негр и читал газету.

От кофе во рту осталась горечь, есть не хотелось. Полина вспомнила, что у нее не осталось никакой одежды, что нужно купить новое белье. Она свернула на Восемьдесят Третью, зашла в «Конвей». Побродив вдоль бесконечных рядов разноцветных тряпок, она вышла на улицу, так ничего и не купив. Вдобавок у нее разболелась голова.

До конца обеда оставалось двадцать минут. Она села на жесткую скамью на самом солнцепеке, достала телефон. Открыла книжку, стала перебирать номера, имена, дошла до конца. Ей хотелось просто поговорить с кем-то, сообщить, что она жива. Что с ней не происходит ничего интересного. Ровным счетом ничего. Что ей грустно и она не знает, что делать дальше со своей жизнью. А главное, зачем.

4

Новый ангел появился на стене склада, он тоже был набрызган розовой аэрозольной краской по трафарету. Краска подтекла, тонкие розовые дорожки сбегали вниз до самого асфальта. Полина остановилась и зачем-то тронула краску пальцем. Вспомнила девчонку в шляпе с лентами и тут же увидела ее – девчонка стояла на солнечной стороне улицы, держа за руку толстую старуху. На старухе было черное просторное платье, похожее на балахон, в одной руке раскрытый зонт, тоже черный, в другой телефон. Девчонка что-то сказала старухе и вприпрыжку подбежала к Полине.

– Так это ты рисуешь? – Полина пожала маленькую ладошку, еще горячую от бабкиной руки.

– Ты что! Я так не умею.

На загорелой коленке белел пластырь, невымытые руки были в мелких кошачьих царапинах. «Котенок, – подумала Полина, – надо будет и мне завести, хоть кто-то рядом будет...»

– Это ангел Хорхито, видишь? – Девчонка ткнула в имя, выведенное рядом с ангелом. – Хо-рр-хи-то!

– Так ты читать умеешь? – Полина засмеялась, притворно удивляясь, она никак не могла вспомнить имя девчонки, голова болела с обеда. Больше всего ей хотелось доползти до комнаты и рухнуть в кровать. – Этот Хорхито твой друг? Ты играешь с ним?

Девчонка скривила рожицу, покачала головой и с сожалением взглянула из-под шляпы на Полину:

– Ты что, вообще того? Как же я могу играть с ним, если он ангел? – Она развела руками и сказала в сторону: – Не-е, ну вообще...

– Глория! – старуха закончила говорить по телефону и позвала девчонку.

«Точно, Глория!» – с облегчением подумала Полина.

– Ладно, пока! – девчонка протянула руку. – Бабуля будет ругаться.

Она вприпрыжку побежала к старухе, обернулась:

– А ты красивая! Я такая же буду красивая, когда вырасту!

Полина зашла в контору, Дорис оторвалась от толстой книги, кинула на стойку ключ. Чтобы жильцы не утаскивали ключи с собой, к ним были приделаны деревянные дули размером со среднюю грушу дюшес. На боку каждой кто-то старательно, но неумело выжег номера комнат.

– Я тряпки твои отдала уборщице, как ты просила... Правильно? – Дорис сняла очки, положила на книгу. – Там Фрэнк седьмой заканчивает, жаль, краски нет, засохла, Джаг двери прошлым летом подкрашивал, крышку не закрыл. Вот засохла... Но ты, наверное, все равно в третьем останешься?

Полина кивнула, взяла ключ.

– Эй, слышь? – позвала Дорис.

Полина повернулась.

– Что?

– Ну, ты вообще как? – спросила Дорис.

– Нормально. – Полина хмуро пожала плечами, взялась за ручку. – Нормально.

– Да погоди ты...

Полина поняла, что Дорис просто хочется поболтать, но она явно не знает о чем. Полина, вздохнув, повторила:

– Нормально все у меня. Еще полтора месяца гарантированной зарплаты, – кивнула на книгу. – Читаешь?

– Слушай! – оживилась хозяйка. – Я исторические, да еще про иностранцев, не очень. Но эта... – она похлопала ладонью по раскрытому тому. – Это, я тебе скажу... Это...

Слов ей не хватало, Дорис от избытка чувств выпучила глаза и затрясла яичными кудрями.

– Там один, то ли поляк, то ли еврей, кавалерист, короче. Красавец! А у нее ребенок. Да и самой под сраку уже лет за тридцать, там не очень понятно про возраст. И муж у нее – тоже мужик в полном порядке, он в конгрессе или в сенате большая шишка.

Дорис частила, словно боялась не успеть. Передохнула и затараторила дальше:

– Но, судя по всему, у них секс не заладился. Хотя тот, муж ее, не пидор и не импотент. Видать, по работе у него много проблем. С мужиками так запросто бывает, это там очень точно все. Ну вот, она ему и говорит: раз ты, любезный муженек, меня удовлетворить не можешь, пойду-ка я к кавалеристу...

Полина кусала губы, сдерживалась, но тут ее прорвало. Она захохотала.

Дорис растерянно замолчала. Потом сказала обиженно:

– Дура ты... Потому что молодая. Там все очень жизненно.

– Да нет... – Полина выдавила сквозь смех, вытирая рукой слезы. – Нет... Читала я книжку эту, читала.

– Ну и? – Дорис подозрительно поглядела на нее.

– Хорошая... Очень хорошая книга.

Дорис настороженно улыбнулась:

– Ты только не рассказывай, что там в конце. Ладно?

Полина захлопнула дверь, сложилась пополам и, зажимая рот рукой, стала беззвучно смеяться. У седьмого номера на корточках сидел жилистый, краснолицый мужик в комбинезоне. Вокруг, в светлых завитках свежей стружки, валялись инструменты.

«Фрэнк, – подумала Полина, проходя мимо. – Мастер на все руки».

Тот подмигнул и ухмыльнулся. С лицом крепко пьющего человека, без переднего зуба и сломанным носом, Фрэнк был одним из тех неудачников, кого черные презрительно кличут «хонки», а свои называют – «белый мусор».

– И как же такую фифу занесло в эдакую помойку? – Фрэнк почесал небритое лицо. Он уже врезал новый замок, теперь подгонял личинку, аккуратно тюкая молотком по косяку.

Полина хотела пройти, но повернулась и сухо ответила:

– Я тут временно.

Очевидно, Фрэнк только этого и ждал – любого ответа. Он усмехнулся:

– Ага, конечно! Временно! – довольно проворчал он. – Ну да, а то как же! Конечно, временно. Я тоже – временно. Уже тридцать с лишним, и все, мать твою, временно!

Он сплюнул. Полина повернулась и пошла.

– Эй, краля! – крикнул Фрэнк ей в спину. – У тебя курева, случаем, нет?

Полина хотела сказать «нет», но почему-то вернулась, вытащила из сумки пачку.

– Ты это, того, вынь сама... А то я тебе перепачкаю там. Руки-то...

Полина протянула сигарету, дала прикурить. Подумав, закурила тоже.

– Я ж не хотел обидеть... – Мужик глубоко затянулся, выпустил дым вверх. – Место тут гиблое. Да и не только тут... – Он многозначительно прищурил глаз. – Поломалась Америка.

Фрэнк прислонился к стене.

– Все эти черномазые да пидоры... Вся эта нелегальная сволочь мексиканская. Раньше знали свое место, а теперь – свобода! Теперь жопники и ковырялки по закону жениться могут. В церкви! Это ж... – Он взмахнул темными, словно прокопченными, руками, затянулся. – А латиносы – эти вообще, что тараканы. Так и прут! Семьями, деревнями целыми. Я ж помню, когда в шестом округе их вообще не было. Вообще! А сейчас – вон! Щенки их, выблядки тринадцатилетние, с ножами! И наркоту толкают.

Он кивнул в сторону стоянки за мотелем. Там и сейчас крутилось несколько парней, тупо ухала музыка. Полина молча курила. Она не изменила своих либеральных взглядов, просто после вчерашнего отстаивать их казалось не совсем логичным. Тем более не хотелось спорить вот с таким Фрэнком.

– Вчера еще одного пацаненка подрезали – видала?

– О чем вы? – недружелюбно спросила Полина.

– Ну как же? Ангела видала?

– Ну... – Полина брезгливо пожала плечами. – При чем тут ангел?

– Это ж «Ангелы Бронкса», ты что, не слышала?

– Я на Манхэттене жила, – сухо проинформировала Полина.

– У этих щенков, – Фрэнк мотнул головой в сторону парковки, – у них там в банде ритуал такой – инициация. Вроде как экзамен. Новичков когда принимают. Вроде как клятва на крови. Новенькие должны найти жертву и... того. А после ангела рисуют. И имя.

Полина выронила сигарету:

– Да что вы несете? Это ж дичь какая-то! Какое-то средневековье – тут Нью-Йорк, полиция... Что вы чушь городите!

Фрэнк, снисходительно шурясь, кивал и ухмылялся.

Полина быстро пошла к третьему номеру. Ключ в руках ходил ходуном, она никак не могла попасть в замок. Наконец открыла, повернулась и крикнула:

– Вы дурак! Америка у него сломалась! Вот такие уроды, как вы, ее и сломали!

Полина хотела еще что-то сказать, что-нибудь хлесткое, обидное и злое, но в голову приходили только ругательства, и она с грохотом захлопнула дверь.

Выходные прошли бездарно. Субботним утром Полина составила список и отправилась за покупками. Она добралась до Мелроуз-Мега, бросила машину на бескрайнем поле парковки и пошла по магазинам. Убив шесть часов и истратив раза в два больше, чем планировала, Полина, навьюченная разноцветными пакетами и коробками, с трудом отыскала свой «Форд» среди сотен других автомобилей. В багажнике оказался пляжный шезлонг, забытый после поездки на Кони-Айленд, все покупки пришлось втискивать на заднее сиденье. На обратной дороге, сдуру свернув на Пятое шоссе, она угодила в пробку у стадиона. Поток бейсбольных фанатов схлестнулся с потоком любителей субботнего шопинга. Квинтэссенция Америки – развлечение и потребление, стадион и универмаг, все остальное лишь скучное приложение к главному. Страна, начавшая свою историю поджарым, мятежным подростком, с Библией в одной руке и кольцом в другой, доползла к финалу ленивым брюзгой, заплывшим жиром, с телевизионным пультом в одной руке и гамбургером в другой.

Полина продвигалась со скоростью пешехода, потом и вовсе встала. Духота стояла страшная, она включила кондиционер на полную катушку, в конце концов, ее «Форд» закипел. Пришлось ждать, пока машина остынет и пробка рассосется.

Воскресенье вообще пролетело незаметно.

В понедельник Полина, как обычно, дошла до станции «Вебстер Авеню», спустилась вниз. Казалось, что прошел утренний дождь: платформу только что вымыли, по кафелю скакали наглые воробьи. Подкатил поезд, белое солнце пробежалось по окнам, двери, зашипев, распахнулись. Полина вошла в полупустой вагон. На ней было новое платье – ультрамаринное в белый горох, из тонкой, тягучей, как змеиная кожа, материи. На ногах – узкие, с хищными носами туфли на шпильке. Туфли тоже были синие, каблук добавил Полине пару дюймов. Ее отражение в летящем пейзаже Бронкса – деревья, вывески, дома, столбы, – то появлялось, то исчезало. Потом нырнули под землю. В грохоте тоннеля под Гудзоном она

решила, что все-таки была права – новая помада выглядела слишком красно. Тем более для «Еврейского обозрения».

На Тайм-сквер было битком – утренний час пик во всей красе, Полина пересела на желтую ветку. Протиснулась в вагон. Ее зажали между группой орущих школьников и четой туристов. По желтой все еще гоняли старые составы, кондиционеры едва справлялись. Полина повисла на поручне, отодвигая новые туфли от непоседливо гоношащихся подростков. Сзади кто-то вплотную прижался к ней, провел рукой по бедру. Полина дернулась, повернула голову. За ней стоял турист, мужик лет сорока, с веселым загорелым лицом. Жена тыкала ему в нос сложенной картой и что-то нервно спрашивала.

– Кэрл, не волнуйся. Расслабься. Успеем, – турист скосил глаз на Полину. – Расслабься...

Ладонь туриста скользнула по ляжке, застыла на ягодице. Полина вздрогнула, хотела отодвинуться, пальцы на ягодице сжались. Кэрл продолжала нервничать, что они пропустят десятичасовой паром и тогда пропадут билеты в Плазу, а ведь они договорились с Гордонами, которые специально приедут из Коннектикута.

Полина, тяжело дыша, закрыла дверь, опустилась в кресло. Достала бумажную салфетку, стерла с губ помаду. Руки тряслись, она выбросила комок в корзину, сложила ладони на коленях. Медленно провела вверх по скользкой шелковистой материи. Жутко хотелось пить, Полина сухо сглотнула и облизнула губы. В коридоре раздались шаги, грохнула дверь. Полина прислушалась, потом потянула подол платья вверх, развела ноги. Прижала ладонь к лобку, медленно провела пальцем вверх и вниз. Лицо горело, Полина задышала чаще, прикусила губу и закрыла глаза. Она откинулась назад, кресло с треском уперлось в стену. В коридоре кто-то громко ругался по телефону, кричал про какие-то цветопробы, что маджента совсем провалилась, а циан попер как сумасшедший.

5

В начале сентября к Дорис приехала младшая сестра. Она представилась Колиндой, на деле же ее звали Моника. Хмельная Дорис, наклонясь к Полине, добавила, что сестру с детства считали слегка не в себе. Сказала шепотом, словно сестра, отлучившаяся в уборную, могла ее услышать.

Они сидели в ресторане «Под оливами», одной из фальшивых итальянских харчевен, с пластиковыми побегами винограда по античным муляжным фрескам, с дрянной едой, залитой кетчупом, дешевой кислятиной, безуспешно выдающей себя за кьянти. Полина, уткнув кулак в подбородок, рассеянно накручивала макароны на вилку, жирная красная жижа заворачивала, макароны соскальзывали, приходилось начинать заново.

– Она всем плела, что к ней каждую ночь прилетает волшебный эльф Альберих, – Дорис дышала чесноком в лицо Полине. Хмыкнув, добавила: – Знаю я, кто к ней прилетал...

– Знаю, это из Нибелунгов, у него еще плащ-невидимка, который Зигфрид потом... – заканчивать Полине было лень, да Дорис и не слушала.

Полина жалела, что согласилась пойти. Обе сестры действовали на нервы, но сидеть в мотеле было совсем тошно. До конца ее контракта с «Еврейским обозрением» оставалось меньше месяца, Бетси обещала хлопотать насчет продления, но это тоже зависело не от нее. «Оптимальный вариант – выбить постоянное место архивариуса. Кто-то должен навести порядок в архиве!» – убежденно говорила Кляйн. Полина вежливо кивала, улыбалась. Бетси начинала жаловаться на тупость начальства, бестолковость типографии, безалаберность авторов, на свою мигрень и жуткий воздух Манхэттена.

«Кто ж тебя насильно тут держит?» – улыбалась и кивала Полина, ловя себя на том, что постепенно начинает ненавидеть не только Бетси, но и всех, у кого есть работа, есть зарплата, есть обозримое будущее. Ее личная перспектива постепенно сузилась до одного месяца. За это она ненавидела и себя.

Колинда-Моника (в одном лице), крупная, как и сестра, в высоких кавалерийских сапогах и кожаной куртке, звучно топая по кафелю, прошла между столиками, уронила салфетку, одним ловким движением подхватила ее с пола и, загадочно ухмыляясь, села. Она была тоже навеселе. Официантка шустро сгребла грязные тарелки, сунула им картонки с десертным меню. Сестры заказали крем-брюле, Полина начала читать меню, от одних названий ее начало мутить. Она попросила чаю.

На обратной дороге сестры пели, у Дорис неожиданно оказалось приличное контральто, Колинда фальшивила, но пела громко и с азартом. Полина молча сидела сзади, воткнув кулаки в карманы куртки и с неприязнью разглядывая полную луну, скачущую по черным крышам неказистого Бронкса.

Потом, уже в мотеле, Полина приткнулась у окна, в руке теплый пластиковый стакан какого-то пойла, то ли граппы, то ли кальвадоса. Колинда уговорила ее выпить на сон грядущий, сестра определила ее в пустующий номер со сломанным душем. Луна в окне забралась уже в самый угол, стала меньше, ярче и веселей, Полина с отвращением сделала еще глоток.

Колинда беспрерывно тараторила, по номеру были раскиданы вещи, очевидно, так происходил процесс распаковки чемоданов. Стянув сапоги и джинсы, сестра так и осталась в драных колготах, то ли забыв, то ли передумав надеть что-то.

Было тошно, хотелось уйти, но Полина сидела. Быть рядом с этой неопрятной глупой бабой ей казалось надежнее, чем остаться наедине с собой.

– А его брат, Вилли, он на меня глаз положил, сечешь? А Дорис, она сначала с Джимом, а после, когда «Синклер-Хаус» перевели в Вайоминг, это какой же год-то? – то она и с Донни

Барковски шуры-муры закрутила. Во как! – Колинда вытащила туфлю из чемодана, а из туфли белые трусы, потом еще одни, красные. – Учись, как паковать надо!

Нервозность и злость сменились апатией и тоской. Комната, полуголая задастая тетка, луна, стакан в руке постепенно утратили реальность. «Не могу же я в самом деле здесь сейчас сидеть?» Полина даже хмыкнула – абсурд! Голова плыла, завтрашнее похмелье обещало быть тяжким, но эта мысль показалась пустяковой, и Полина влила в себя остатки то ли граппы, то ли кальвадоса.

– Донни Барковски, – Колинда закатила глаза, вытащила из чемодана литровую бутылку джина, завернутую в газету. – Знаешь, как мы его звали? Донни-Восемь-с-половиной! Сечешь? – Она заржала. Из соседнего номера стали стучать в стену.

Полина тоже засмеялась, уронила пустой стакан на пол, нагнулась и чуть не упала, в последний момент уцепившись за подоконник. Пол подпрыгнул, качнулся и встал на место, чуть более наклонно, чем прежде. Полина подняла мятую газету.

– Данциг? Это что, серьезно? – Газета называлась «Данциг кроникл».

– Ну! – Колинда, почесывая тугую ляжку, уставилась на Полину. – Данциг, штат Теннесси. Дикая дыра! На сто миль вокруг поля да леса. Озеро есть, Боден называется. Три ресторана на весь город. Ресторана! – Она плюнула. – Одно название, там даже бухла не подают.

– Это как? – Полина расправила газету на колене, передовица писала об открытии новой школы.

– Сухой город! Не слыхала? В городской черте ни одного бара, ни одной ликерной лавки... Хочешь бухнуть – сорок минут туда, сорок обратно. Единственный магазин в округе на седьмой дороге, за Старым кладбищем. Да и тот раза три поджигали.

– Кто поджигал?

– Немчура это чокнутая...

– Какая немчура?

– Поэтому вот и запасаясь... – Колинда выудила из чемодана еще одну бутылку. – Впрок...

– Ну, здесь-то с этим проблем нет. – Полина перевернула страницу, там было интервью с директором школы со странной фамилией Галль. Одновременно этот Галль являлся проповедником Церкви Всех Святых города Данцига.

Ночью ей приснился город Данциг. Белая школа была похожа на Акрополь, вокруг, между дорических колонн и дальше, по густой траве, бегали румяные дети. Директор Галль, в тоге, шитой золотыми цветами, благосклонно взирал на белокурую детвору, на породистом арийском лице сияла улыбка. Горизонт раскрывался во всю ширь, как на полотнах Пуссена, а по небу сияли белоснежные облака, расставленные в симметричном порядке. Вокруг торжественно били фонтаны, вода весело звенела, искрилась, журчала.

Проснувшись Полина от лютой жажды, голова тупо ныла, словно внутри зрел большой нарыв. Было без пяти десять. Нашарив в сумке телефон, позвонила Бетси. Сиплым голосом неумело наврала про месячные, что боль дикая и еле ползает. Вторая часть, впрочем, была истинной правдой.

Бетси притворно посочувствовала, под конец злорадно добавила:

– У меня, слава богу, с этим покончено. Менопауза.

К полудню Полина добралась до душа. Там, прислонясь затылком к скользкому кафелю, долго стояла под постепенно остывающими струями. Голову отпустило, а настроение отчего-то стало еще хуже. Пыталась высушить волосы, фен едва работал, потом завонял горелой проводкой. Полина намотала на голову полотенце тюрбаном, голая прошла

из угла в угол, постояла у окна: ангел на кирпичной стене, шоссе, пустой рекламный щит над эстакадой. Она зевнула, залезла под одеяло и сразу заснула.

Около трех часов стуком в дверь ее разбудила уборщица. Полина, не открывая, крикнула, что все чисто, убирать не надо. Попыталась снова заснуть, не получилось. Надо было вставать, что-то делать, думать, решать. Детская уловка переспать неприятности больше не работала, Полине было ясно, что если ничего не делать, то к концу месяца у нее не будет работы, еще через полтора кончатся деньги и она окажется на улице или вернется в свою детскую спальню в Нью-Джерси. К родителям.

– Эй, подруга! Жива? – В дверь забарабанили, Полина узнала голос Колинды-Моники. Прикрываясь пледом, распахнула дверь. Та вошла, поморщилась:

– Ну и дух... Перегаром-то разит, окошко хоть открой.

Смутившись, Полина открыла окно, уронила на пол плед.

– Да что ты стесняешься! Чего я там не видела? – Колинда засмеялась, плюхнулась в кресло. Полина натянула майку, джинсы. Села на край кровати.

– Держи! – Колинда кинула ей банку холодного пива. Полина поймала.

– Так ты это серьезно? – Колинда выудила из кармана вторую жестянку, с хрустом откупорила.

– Ты о чем? – Полине пива не хотелось, она положила банку рядом на кровать.

– Ну про Данциг? Про школу? – сестра опрокинула банку и влила в себя половину.

– Я?

– Ну не я же! – Колинда рыгнула. – Кто вчера кричал, пропади этот Нью-Йорк пропадом, хочу в деревню, детишек буду учить на свежем воздухе.

– Я?

– Ну, дает! Неужто не помнишь?

– Вообще... – Полина растерянно потеряла виски. – Что, правда?

Колинда укоризненно поглядела на нее, снисходительно улыбнулась, допила пиво и одной рукой сплющила жестянку. Поскучнев, спросила тихо:

– Я у тебя насчет сестры хочу узнать...

Полина вопросительно поглядела на нее.

– Ты здесь уже месяц, полтора...

– Два...

– Тем более. – Колинда помялась, сложила руки на груди. – Тебе как она? Ну, в смысле, как у нее тут... – она ткнула пальцем себе в висок.

– Дорис? – Полина растерянно откинулась назад. – Ну, я не знаю, конечно, когда муж воюет... Конечно, тяжело... Но, по-моему, она очень энергична, деятельна и вообще вполне оптимистична.

– Оптимистична... – Сестра сложила сплюсненную банку пополам и швырнула в угол. Полина вздрогнула. – Оптимистична!

Ее муж погиб три года назад. Застрелился, – мрачно сказала Колинда. – В Афгане. Его «Хаммер» подорвался на mine, когда они патрулировали какое-то село. Водитель выбрался из нижнего люка, мальчишки облили его бензином и подожгли. Когда Джаг вылез, водитель был уже мертв, Джаг расстрелял мальчишек, потом пошел по дворам. Тридцать семь трупов, включая грудных детей.

У Полины выступила испарина, она вспомнила лицо на фотографиях, флаги, униформа, медали, автоматы, уродливые военные машины. Представила кровь, детские трупы в желтой пыли.

– Господи, что происходит? – пробормотала она. Теперь собственные неприятности выглядели мелкими, глупыми. – Что тут происходит? Почему?

«Я только скулю, жалуясь и жду, когда само что-то решится! Или кто-то решит за меня. Инфантильная сучка! – Полина от злости покраснела, соскочила с кровати, подошла к окну. – Куда кривая вывезет. Диплом у нее университетский! Надо же наконец самой что-то делать!»

– Слушай, – Полина резко повернулась. – А та газета у тебя осталась?

Колинда удивленно поглядела на нее, кивнула.

– Я могу позвонить Галлю, – она хмыкнула. – Боюсь, правда, моя рекомендация тебе скорей повредит.

6

Придя в редакцию, Полина сразу включила компьютер. Данциг на карте Теннесси нашелся сразу, Колинда оказалась права – жуткая глушь: вокруг зеленели поля и леса, синело озеро Боден, до ближайшего города Ноксвилла было сто сорок миль. До столицы штата Нешвилла почти двести. Полина переключила карту в спутниковый режим, кубики домов рассыпались по прямоугольникам приусадебных садов, особой симметрии или порядка в планировании Данцига не наблюдалось. Явно угадывалась центральная площадь и вытекающая из нее главная улица, которая разветвлялась по сторонам загогулинами тупиковых отрошков с прилегающими участками.

Полина елозила курсором по чужим крышам, садам и улицам, разглядывала лужицы бассейнов и скорлупки автомобилей, постепенно осваиваясь с топографией. Нашлась и новая школа, и церковь, большое кладбище на окраине. Она улыбнулась, дотронулась пальцем до кубика школы и прошептала:

– Все так, все правильно...

В последние месяцы цель была одна – выжить. Удержаться на плаву. Любой ценой зацепиться за Нью-Йорк, остаться на Манхэттене.

«Зачем мне Нью-Йорк? И я ему не нужна, это очевидно. Почему же я цепляюсь за этот город, город, который хочет меня раздавить? Что за мазохизм? Меня учили понимать Чехова, Толстого, Достоевского, а не механизм работы фондовой биржи. Мои знания плохой инструмент для добывания денег. А Нью-Йорк – это деньги. Деньги как цель, деньги как средство. Деньги как смысл жизни».

Лев Толстой с мрачным торжеством глядел со стены, доктор Чехов одобрительно шурился сквозь стеклышки пенсне. «Да, все верно! Все так! И как же я не могла понять этого сразу, ведь так просто...»

Полина взяла фломастер, подошла к стене и прямо на обоях написала печатными буквами:

«На что бы ты ни был способен, о чем бы ты ни мечтал, начни осуществлять это. Смелость придает человеку силу и даже магическую власть. Решайся!»

– М-м, Гете!

Полина обернулась, в дверях стоял Грингауз, главред «Обозрения». За все время работы здесь это были первые слова, обращенные непосредственно к ней, здороваясь с сотрудниками, он обычно хмуро кивал.

Полина поспешно спрятала фломастер за спину, отошла от стены, чувствуя, как наливаются жаром ее щеки.

– Мы тут швабры хранили... – оглядывая кладовку, насмешливо сказал главред. – Как проходит архивация? Миссис Кляйн вас хвалит. Очень.

– Спасибо, – Полина боком протиснулась за свой стол. – Мне тоже... – нашла колпачок, щелкнула, спрятала фломастер в стол. – Тоже очень.

Грингауз, кряжистый, с лобастой, непомерно большой головой (то ли медведь, то ли сердитый жук, – Полина не могла решить, на кого он больше похож) неожиданно рассмеялся.

– У вас контракт в конце месяца кончается, так?

Полина кивнула.

– А русский архив вы успеете закончить?

Полина кивнула опять.

– Так... – Грингауз оглядел потолок, посмотрел в вырез платья Полины и вышел.

Около пяти появилась Бетси. Загадочно торжественная в костюме изумрудного цвета с золотыми пуговицами, она молча прикрыла дверь за собой и вопросительно кивнула Полине:

– Приходил? Грин?

Она потеряла тонкие руки, на среднем пальце, рядом с обручальным кольцом, сиял здоровенный бриллиант.

– В Метрополитен с мужем иду, на Малера. Шестая симфония... Тебе нравится Малер?

– Шумно, – словно извиняясь, пожала плечами Полина. – Тем более для романтика.

– Вагнер? – с вызовом спросила Бетси. – Тебе, наверное, такое нравится.

– Да тоже не очень. Скорей уж Лист.

– Ну да! Славянские напевы, – пренебрежительно обронила Бетси. – А знаешь, в Третьем рейхе Малер был запрещен. Гитлер считал его музыку слишком еврейской.

– Насколько мне известно, славян он тоже не особо жаловал. Гитлер.

– Не сравнивай, – строго произнесла Кляйн. – Уничтожение евреев как нации было главной задачей Третьего рейха. Еще в «Майн кампф» он писал, в двадцатые.

– Разумеется. Славяне и прочие унтерменши просто под горячую руку попали.

Бетси засмеялась, на зубах краснела полоска помады.

– Гитлеру нужна была территория – лебенсraum, славяне уничтожались лишь потому, что жили там.

– Ага, – улыбнулась в ответ Полина. – Ничего личного. Издержки исторического процесса.

Бетси перестала улыбаться, внимательно посмотрела ей в лицо. Полина не к месту подумала, что все бы отдала за такие роскошные брови.

– Ну, объясни мне тогда, – тихо сказала Кляйн. – Почему ты, наполовину или-сколько-там русская, сидишь в «Еврейском обозрении» и архивируешь дела евреев? Для музея Холокоста, – она зло передернула плечами. – Где твои славяне, где их «Обозрение», где их музей жертв нацизма? Где?

Бетси пнула коробку с делами.

– Здесь?!

Она вышла, Полина тихо опустилась в кресло. Взяла из коробки верхнюю папку, раскрыла.

«В помещении бывшей школы были расстреляны, а затем облиты бензином и сожжены 12 человек из с. Богородицкое Покровского района, работавших на очистке дорог от снега. У моста в Верхней Дуванке фашисты расстреляли еще 9 человек, эвакуированных из Белокуракинского района. В селе Новониканоровка гитлеровцы расстреляли 11 человек, большинство из них были старики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.